

ПОЛЕВЫЕ ПРОБЫ ГОНЧИХ
ПРАВИЛА, ОРГАНИЗАЦИЯ и СУДЕЙСТВО НА НИХ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	2
Отдельные моменты работы гончих	6
Полаз	6
Добычливость	8
Мастерство при сколе и исправлении следа	9
Чутье	10
Вязкость	15
Злобность	18
Голос	19
Паратость	22
Нестомчивость	25
Позывистость и приездка (дрессировка)	26
Свальчивость и ровность ног	29
Разбор оценочных таблиц	29
Организация испытаний	33
Правила полевой пробы гончих	36
Испытательная станция для гончих.	40
Положение о московской испытательной станции гончих собак	41
Как судить на полевых пробах	44
Заключение	49
Приложение I. Отчет судей I Всероссийской пробы гончих	50

ВВЕДЕНИЕ

Всякий, кто внимательно присматривался в последнее время к охотничьим хозяйствам нашего Союза, всякий, кто следил за охотничьей литературой и посещал выставки собак, согласится с тем, что гончая среди всех остальных пород охотничьих собак заняла преобладающее положение.

Если мы обратимся к статистике, то увидим, что среди зарегистрированных охотничьих собак по периферии в подавляющем большинстве окажутся гончие; в любом каталоге выставки собак, устроенной каким-либо товариществом охотников, мы также увидим это численное преобладание гончих. Особенно характерным в этом отношении будет все возрастающее процентное их преобладание по мере того, как мы будем удаляться от крупных городских центров и приближаться к промысловым и полупромысловым районам.

Если в эти статистические данные внести поправку, необходимую потому, что далеко не все собаки, принадлежащие охотникам, особенно отдаленных районов, попали в число зарегистрированных, то естественно, что эта поправка опять-таки будет в сторону увеличения числа гончих, так как в деревне почти отсутствуют легавые, а имеется промысловая собака — лайка и гончая.

Это вполне понятно, так как объекты охоты, добываемые с гончей, прежде всего, представляют, собою ценную пушнину в виде зайца и лисицы, не говоря уже о том, что при правильно организованной охоте гончая может явиться ценным помощником в деле борьбы с волками.

Но кроме этого широкое распространение охоты с гончей вызывается еще и тем, что условия содержания гончей и ее обучения (нагонки) гораздо проще, чем легавой.

Сложный и длительный путь натаски легавой по дичи на болоте и в лесу требует особого метода и настойчивости. Вследствие этого из-за недостатка времени, неумения, а часто и из-за отсутствия необходимых для такой натаски болота и дичи владельцы легавых собак принуждены обращаться к помощи профессиональных дрессировщиков — егжей, которые берут за это значительные суммы.

Обучение гончей гораздо проще. Для этого не нужно никакого особенного умения, надо только иметь свободное время и терпение. Каждый может при желании вполне хорошо нагонять своих гончих, так как они сами довольно быстро овладевают, если так можно выразиться, техникой работы. Для хорошей работы гончей, прежде всего, необходимы: чутье, вязкость, злобность и пр. качества, которые благодаря практике позволяют ей распутывать все хитрости зверя и вырабатывают, в конце концов, из нее первоклассного гонца.

Главная задача охотника при нагонке состоит в том, чтобы позволить этим качествам, путем ли заимствования от старой, опытной собаки, путем ли самостоятельной практики, развиться, и дело только в том, чтобы не помешать, не испортить это развитие.

Отсюда ясно, что широкая охотничья масса заводит, прежде всего, гончую и не удивительно, что именно к гончей и лайке как промысловым собакам растет сейчас день ото дня интерес со стороны охотников.

Выше было упомянуто о широкой сети выставок собак, которая охватила Союз. Если в дореволюционное время только большие центры, как Москва, Ленинград, Киев, Самара, проводили у себя выставки, то в настоящее время по нашему Союзу устраивается до 100 выставок, которые привлекают к себе внимание широкой общественности.

Выставки и выводки, несомненно, сделали свое дело, дав грубый, но реальный учет всего имеющегося у нас материала, отобрав все наиболее типичные и породные экземпляры, распространив в охотничьей массе основные знания породных признаков. Это было необходимо сделать для того, чтобы, во-первых, выявить и сохранить кровных собак, от которых можно было бы в дальнейшем отвести молодняк, а, во-вторых, для того, чтобы

системой премирования вызвать охотников на соревнование и оживить и наладить тем самым работу по кровному собаководству.

Но выставки были только первым шагом в деле реконструкции собаководства, так как «выставочные красавцы», не годные для работы в поле, охотнику не нужны, и вполне законно его желание получить хороших гонцов или таких щенят, которые выросши, сделались бы работоспособными собаками.

Однако с первого же момента осуществления этого желания охотник неизбежно был поставлен перед задачей: либо выбрать себе (чаще всего поблизости) сносного гонца, в большинстве случаев сомнительного происхождения, либо остановить свой выбор на выставочных медальерах, часто оказывающихся плохими в работе. Особенно затруднительно бывает достать хороших щенят, так как, собирая сведения о работе их родителей, приходится чаще всего довольствоваться мало достоверными рассказами владельцев или случайных свидетелей.

Таким образом, выяснилась необходимость иметь ряд первоклассных производителей, настолько устойчивых в передаче своих полевых качеств, чтобы потомство, получаемое от них, могло удовлетворить требованиям охотников, желающих иметь у себя хороших собак.

Полевые качества гончей были созданы упорной и длительной работой человека над нею, путем умелого подбора производителей, путем строгой браковки неудачных и отбора лучших экземпляров и, прежде всего, постоянной, на протяжении многих десятков и сотен лет, практикой.

Известно, что исключительные по своим рабочим качествам сердце и ноги фоксгаунда (английской гончей), как и английского скакуна, были выработаны из поколения в поколение продолжающимся тренингом.

Поэтому ставка должна быть сделана на *породную кровную гончую*, полученную путем отбора и длительной тренировки, которая только и может устойчиво передать потомству *злобность, вязкость, хороший голос и чутье*.

Вот здесь-то и должны придти на помощь охотнику полевые испытания гончих, устраиваемые не только столичными, но и областными и более мелкими охотничьими организациями.

Необходимость устройства полевых проб для гончих осознана отдельными охотничьими товариществами, которые начинают устраивать у себя полевые пробы, вовлекая в работу все новые и новые слои охотников.

В то время как испытания легавых собак имели место уж в 1919 г. и 1921 г., первая проба гончих была проведена товариществом «Московский охотник» только в 1926 г. А Ленинградским союзом, Харьковом и Н.Новгородом — в 1927 г. Однако следует отметить, что число проб с каждым годом все растет, что видно из следующей таблички:

В Москве	с 1926 г.	проведено	7 проб гончих
Ленинграде	с 1927 г.	6	(две в 1931г.)
Харькове	с 1927 г.	6	
Н. Новгороде	с 1927 г.	6	
Киеве	с 1928 г.	4	
Вологде	с 1928 г.	2	
Иваново-Вознесенске	с 1930 г.	проведено	2 пробы гончих
Ярославле	с 1929 г.	проведено	2 пробы гончих
Туле	с 1930 г.	1 проба	
Твери	с 1931 г.	1	
Свердловске	с 1931 г.	1	

По далеко не исчерпывающим сведениям об организованных в Союзе пробах гончих удалось установить, что кроме вышеприведенных имели место еще пробы в Зиновь-

евске, Черниговщине, Полтавщине, Симферополе и Минске, что составит более сорока проб.

Эти результаты становятся еще показательнее, сравнить их с тем, что было сделано в этом отношении до революции.

До 1917 г. было проведено только всего-навсего 7 проб Московским обществом охоты, да и то из приводимой ниже таблицы видно, до чего они были нерегулярны и малочисленны. Очень характерно и то обстоятельство, что в них участвуют из года в год собаки одних и тех же владельцев.

Эти пробы, устраиваемые для узкого круга лиц, не пользовались никакой популярностью, и в печати не раз отмечалось отсутствие на них (за единичными исключениями) не только иногородних участников, но и вообще гончатников, хотя бы на положении зрителей.

В этом отношении пробы, организованные в последнее время, имеют, помимо своей основной задачи по выявлению производителей, верных в работе, еще и огромное общественно-воспитательное значение, привлекая, кроме владельцев, участвующих на пробе собак, значительное количество охотников, которые знакомятся с элементами работы гончей и теми требованиями, которые следует предъявлять к ней.

Имеется еще одна значительная разница между пробами, которые организовывались до 1917 г., и пробами последнего времени. Дело в том, что хотя § 1 старых правил и указывал на то, что *«полевая проба имеет ближайшей целью выявление рабочих (природных) качеств гончих собак»*, на самом деле этого не было, и пробы носили скорее состязательный характер. Причем на них сначала допускались исключительно стаи и только позже, под давлением нескольких статей в печати, стали допускаться и смычки.

Ясно, что выявить определенного производителя, когда испытывается стая, нельзя; поэтому для развития кровного собаководства пробы имели второстепенное значение, тем более что и участниками этих проб Московского общества был узкий круг охотников из привилегированных классов.

Совершенно иная целевая установка проб послеоктябрьского периода, когда стали заботиться, прежде всего, о выявлении надежного производителя-полевика. Это привело к тому, что главное место заняло испытание каждой собаки в отдельности, что в частности явилось огромным шагом навстречу широкой массе охотников, владеющих в большинстве случаев одной гончей.

Эта же целевая установка заставила пересмотреть прежние правила полевой пробы и особенно таблицы расценки в целях их переработки и приспособления к испытанию гончей-одиночки.

Поэтому Первый всесоюзный кинологический съезд, организованный Всеохотсоюзом в Москве в декабре 1925 г., уже в то время, учтя огромное значение выявления рабочих качеств гончих, включил в свою программу доклад о полевой пробе гончих, после которого были утверждены изложенные в нем правила.

Однако до сих пор, несмотря на прошедшие с того времени шесть лет, о полевых пробах и работе гончей не было издано ни одной книжки. Предлагаемая вниманию читателя попытка анализа работы гончей, а равно и правила, по которым следует проводить пробы, удовлетворяют назревшей потребности в такого рода издании, потому что незнакомство с этими правилами, некоторая их сложность, а главное недооценка цели устройства самих проб понуждают некоторые товарищества откладывать с года на год проведение у себя проб, чем тормозится дело развития кровного собаководства.

№№ п/п	Время	Место	Судьи	Владельцы	Кол-во смыч-в	Награды
I	24 X 1901г.	Мытищи	К. В. Мошнин В. Ф. Пальмц- вейг А. Н. Милюков	И. Я. Кротов И. Я. Кротов П. А. Белкин Л. В. Живаго	1 1 1 1	-- -- б. 80. Дип. 1 ст. --
II	6 X 1902 г	Мытищи	А. Н. Милюков В. Ф. Пальмц- вейг П. С. Карцев	Л. В. Живаго К. В. Мошнин К. В. Мошнин П. А. Белкин П. А. Белкин	6 2 1 2 ^{1/2} 1	б. 65 Дип. 3 ст. не расценен -- б. 85 Дип. 1 ст. б.87 Дип. 1 ст.
II	30 IX и 1 X 1907 г.	Софрино	А. Н. Милюков Ю. Ю. Пенкаля П. С. Карцев	М. И. Алексеев Л. В. Живаго	6 6	не расценен б. 71 Дип. 2 ст.
IV	12 X 1908 г.	Кубинка	А. Н. Милюков Б. В. Зворыкин П. С. Карцев	М. И. Алексеев	5 ^{1/2}	б. 83 Дип. 1 ст.
V	21 X и 22 X 1909 г.	Кубинка	Б. В. Зворыкин Ю. Ю. Пенкаля П. А. Попов	И. И. Шустов П. А. Белкин М. И. Алексеев	3 4 6	не расценен б. 61 Дип. 3 ст. б. 81 Дип. 1 ст.
VI	21 X и 22 X 1911 г.	Кубинка	П. С. Карцев Б. В. Зворыкин С. И. Морж- ковский	Л. В. Живаго А. А. Лебедев М. И. Алексеев	5 ^{1/2} 4 Не дост-ны	б. 58 б. 74 Дип. 3 ст. --
VII	5 X и 6 X 1913 г.	Кубинка	С. И. Морж- ковский П. С. Карцев Д. Г. Языков	А. А. Лебедев М. И. Алексеев Яросл. кружок	5 ^{1/2} 5 3	б. 70 Дип. 3 ст. б. 86 Дип. 1 ст. не расценен

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РАБОТЫ ГОНЧИХ

Очевидно, что для устройства полевых проб гончих, основной задачей которых является, возможно, более полная и справедливая оценка работы испытываемых собак, необходимо быть хорошо знакомым с основными элементами этой работы. Надо ясно отдавать себе отчет в том, чего мы должны требовать от гончей, что является достоинством или недостатком ее работы.

Чтобы легче было уяснить, в чем заключается работа гончей, нужно разложить ее на отдельные элементы, из которых она состоит. Только изучив эти элементы, мы сможем дать им оценку для того, чтобы иметь возможность подойти критически к старой таблице МОО, к ее постепенным изменениям и обосновать появление новой таблицы, принятой кинологическим съездом и освещающей все слагаемые работы гончей. Такими составными элементами работы любой гончей я считаю: 1) полаз, 2) добычливость, 3) мастерство на сколах и исправление следа, 4) чутье, 5) вязкость, 6) злобность, 7) голос, 8) паратость, 9) нестомчивость, 10) позывистость, 11) приездка (дрессировка) и, наконец, для смычков и стай 12) свальчивость и 13) ровность ног. Остановимся на каждом элементе отдельно.

Полаз

Полаз есть качество гончей, с которым мы сталкиваемся с первого же момента ее работы. Полаз у гончей является равнозначным поиску у легавой. Основное условие удачной охоты с гончей — это найти зверя, побудить его и только после этого преследовать его с голосом. Отсюда вытекают и все неперенные требования к полазу, которые предъявляются охотником к гончей.

Что должно считаться хорошим, дельным полазом, имеющим право на высшую оценку, и что плохим? Надо оговориться, что в зависимости от того, на какого зверя охотятся, различными будут и требования к гончей. Однако есть несколько требований, которые будут необходимы при охоте на любого зверя. Первое — веселый, наметом или на хорошем галопе полаз, который к концу дня остается таким же энергичным. Гончая не должна идти шагом или трусить мелкой рысцой, а должна работать на хорошем ходу, так как таким образом она в одну и ту же единицу времени захватит вдвое, а то и втрое пространства, чем тихход.

Полаз ее должен быть осмысленным, бешеное метанье из стороны в сторону без всякого толка, галопирование вдоль дорожек, просек и опушек совершенно недопустимо. Можно скорей простить гончей несколько замедленный темп, чем эту бестолковость, при которой подъем зверя становится чистой случайностью.

Широта полаза и его манера зависят от того, по какому зверю ваши гончие привыкли работать, но известный минимум требований, необходимый для любой работы, конечно имеется. Спущенная со смычка гончая должна тут же скрываться с глаз ведущего ее охотника и, во всяком случае, не болтаться у него под ногами, работая на расстоянии каких-нибудь 100—200 шагов.

Вопрос о широте полаза — наиболее спорный вопрос, и здесь-то как раз больше всего и расхождений у судей, с отдельными любителями. С давних времен привился ложный взгляд, который не изжит и по сие время, что гончая, спущенная со смычка, должна уходить как можно дальше от охотника, вовсе с ним не считаясь. Она, мол, должна охватить как можно больше пространства, увеличивая своим уходом (сплошь да рядом по прямой линии от охотника) шанс на встречу со зверем. Гончая, которую не увидишь целый день, и которая привыкла сама возвращаться домой только к ночи, считается образцом полазистости и вязкости.

Это совершенно неверный взгляд. Дело в том, что дальность полаза не всегда обеспечивает быстроту подъема зверя. Для нас важнее, чтобы в какую-то положенную единицу времени (хотя бы в 1 час) гончая обследовала площадь с наибольшими шансами на встречу со зверем. Совершенно естественно, что такое обследование будет тем успешнее в

смысле подъема, чем больше собака захватит полезной площади (под полезной площадью я разумею такую, на которой имеется зверь или есть шанс его найти). Таким образом, лучший результат будет зависеть не от длины пройденного гончей пути; она может, как проволокой, прорезать хотя бы и не один километр, но оставить в стороне спокойно лежащего зверя. Поэтому полаз должен быть осмысленным; гончая должна сразу же исключить все те места, которые будут пустыми и сосредоточить свое внимание на тех, где может находиться зверь.

Отсюда ясно, что даже безмерно далекий, но ленточный полаз гончей непригоден. Наоборот, менее далекий, но более широкий, похожий до известной степени на челнок легавой, — предпочтителен. Гончая должна всегда сообразоваться с ходом охотника, изредка пересекая его след и попадаясь на глаза, так как в противном случае, даже подняв зверя, она может быть охотником отслушана, а зверь для охотника потерян. Особенно это плохо в ветреный день, когда отслушать гончих вообще легко. Поэтому наиболее правильным для охоты по зайцам (они допускают к себе близко и вообще лежат крепко) надо считать такой полаз, при котором гончая уходит от охотника на расстояние от 400 до 1.000 шагов, сообразуясь с его ходом, переходя то вправо, то влево от него, стараясь обследовать все наиболее подозрительные места, идя легким галопом или, как говорят, «волчьим наметом».

По этому поводу очень интересно мнение известного знатока охоты с гончими В. В. Деконнора, который на вопрос, сколько гончих лучше всего иметь для ружейной охоты, писал: *«Стайка в 4 смычка (8 собак) захватит полосу около версты. Большие не нужно»*.

Если мы разделим это расстояние (около 1.600 шагов) на 8 собак, то получим норму в 200 шагов на собаку, т. е. вдвое более скромную, чем указанная мною. Впрочем, тут нет противоречий, так как одиночка естественно должна уходить шире, чем свальчивая, хорошо приезженная или прихоженная стая.

Но манера поласа, если гончая призвана работать по красному зверю, должна коренным образом изменяться. Красный зверь от малейшего подозрительного шума постарается как можно скорее слезть, уйти далеко напрямик, удалеть. Чтобы его захватить, необходима совсем другая манера. В этом случае гончая работает не хуже опытного псковича, обрезаая по просекам, дорогам и опушкам, проверяя, не наткнется ли она на выходной след слезшего зверя, а наткнувшись на него, добирается и до самого зверя. Тут уж ей некогда обследовать полезные площади внутри леса, некогда следить за охотником, она чувствует красного, знает, что он может далеко уйти напрямик, отдалеть от нее, почему и старается скорее добраться до него, чтобы в конце осилить его. В таких случаях охотник сам должен (сообразуясь с местностью и определив ход зверя) поспешить напрямик, чтобы успеть, срезав круг или угол, повстречать зверя или, по крайней мере, не спустить гончую со слуха. Поэтому в красногонах ценится далекий, широкий полаз, охватывающий остров (или прорезающий его) в разных направлениях по дорогам, просекам и полянам. Только такая манера работы гончей обеспечивает успех охоты по волкам и особенно по волкам-одиночкам в позднюю пору осени.

Остается еще сказать о недостатках поласа, которые часто встречаются. Основным из них является стремление гончих болтаться по дорогам, просекам, идти следом охотника, все время прислушиваясь к другим гончим, в надежде, что те поднимут зверя, т. е. не работать, а полагаться или на своих товарищей или же на подъем зайца самим охотником. Поэтому на полевых пробах с целью выяснения самостоятельности работы гончих ведущему собак не рекомендуется обыскивать чащи и крепи, предоставляя собакам самим поднять зверя. Поэтому желательно, чтобы ведущий собак шел полянами, просеками или дорогами, по этой же причине нежелательны ни хлопки арапником, ни чрезмерное порсканье, которое допускается лишь для указания направления. Поэтому, принимая во внимание все вышеизложенное, параграф 38 правил полевой пробы гончих, утвержденных

кинологическим съездом говорит следующее: *«полаз» (розыск) определяется степенью самостоятельности ее в розыске, упорством розыска и его шириной».*

Добычливость

Успех всякого полаза, его, так сказать, заключительная часть, выражается в подъеме зверя. Мало широко и быстро искать, надо еще, чтобы все эти качества были осмысленно применены. Охотнику важно быть уверенным, что, проходя, он не оставит сзади себя лежащего зверя нетронутым. Поэтому добычливость никак нельзя объединить с понятием «полаз». Полаз — это, как мы установили, поиск, его ширина, самостоятельность, манера и т. д. Добычливость же есть умение добыть зверя, уверенность гончей в том, что надо обследовать именно те, а не другие кусты, особый «нюх» найти зверя, что бывает особенно важно в те дни, когда заяц плотно лежит, например, при первых порошах. У меня был выжлец «Хохот», уже осенистый, который тихим наметом шел в полазе, не обращая внимания на быстрый галоп своих товарищей, и однако 50% поднятого зверя приходилось на его долю. Вероятно, большинство гончатников согласятся со мною, что бывают гонцы, о которых составляется совершенно определенное представление, что они знают, где зверь лежит. Поэтому мне кажется, вполне справедливым отметить и этот момент в работе гончей.

В прежних таблицах МОО графы добычливости не существовало, и понятие добычливости входило в понятие полаза. Многие гончатники и сейчас говорят, что ввиду того, что выявить и оценить добычливость гончей на полевой пробе крайне затруднительно, надо слить эти графы. Такого мнения держится, между прочим, и Р. Гернгросс, который составил проект правил полевой пробы гончих для Украины, приняв для этих правил безоговорочно таблицу бывшего Московского общества охоты.

Однако сама практика полевых проб гончих заставляет признать целесообразным введение графы добычливости, отсутствие которой делает расценочную таблицу недостаточно четкой, что способствует возникновению целого ряда недоразумений.

Позволю себе по этому поводу сделать две интересные выписки из журнала «Украинский мисливець та рибалка».

В статье «О полевых испытаниях гончих Зиновьевского округа», помещенной в № 2 за 1928 г., Р. Гернгросс пишет следующее:

«...Анализируя выставленные баллы и подробный отчет, нельзя не отметить неубедительности некоторых баллов. Возьмем, например, получившего высший балл 84 с дипломом I степени «Земного». За полаз у него стоит 18 из 20, т. е. очень высокий балл, из «журнала» же видно, что в течение 20 мин. в 1-й день он зайца не поднял и был навален на поднятого зайца. В заключение судьи указывают: «так как благодаря сильно падавшему снегу "Земному" не удалось показать полаза — произвести повторную экспертизу»... На второй день «Земной», пушенный в 12 ч. 55 мин., ровно в час поднял зайца и гонял до прекращения экспертизы. Прежде всего, является вопрос, что судьи бывшего Зиновьевского округа и сам округ понимали под «полазом»? По-видимому, скорость подъема зверя, ибо только при таком понимании можно было писать, что «благодаря сильно выпавшему снегу «Земному» не удалось показать полаза». Если это так, то это неправильно: зверя было очень много, и поэтому была широкая возможность случая, и подъем на 2-день через 5 мин. не показателен, так как на второй день «Мильтон», получивший за полаз всего десять баллов, поднял зверя через 3 минуты. «Пират» погнал сразу, «Джон» — через 10 мин. и т. д. Если же понимать полаз правильно, т. е. как выбор обыскиваемого места, широту поиска, добор по следу, то в первый день «Земной» его не обнаружил в течение 20 мин., и конечно сильно падающий снег не мог помешать обнаружить его, с учетом, влияния снега, а на второй день нельзя было обнаружить полаз на 18 баллов за 5 мин.»

Эти строки с достаточной ясностью указывают на то, что вся путаница в судебском отчете произошла только благодаря тому, что не было графы «добычливости».

По поводу тех же испытаний пишет в своей статье и М. Алексеев ¹(¹«В трех со- снах». - «Украинский мисливець та рибалка», 1928 г., № 5).

«Удивила меня недостача граф в оценочной таблице. Почему отсутствуют установленные на кинологическом съезде графы «добычливость», «чутье» и «ровность ног». Будь графа добычливости, не пришлось бы Р. Ф. Гернгроссу спрашивать, не понимают ли судьи под полазом скорость подъема зверя».

Из этих выписок становится ясно, что добычливость должна отмечаться в расценочной таблице испытаний, так как гончая, идеально обыскивающая с нашей точки зрения какую-либо площадь, может поднять меньше, чем другая, имеющая как будто бы более вялый и менее широкий и дельный полаз.

Остается сказать еще о заметке М. Алексеева ²(²«Собаководство», 1930 г., № 7.), в которой он предлагает соединить полаз и добычливость в одну графу, изображая их в виде числителя и знаменателя.

Но от того, будет ли написана сумма в одной графе, в виде дроби — 15/5 у одиночек и 10/5 у смычков и стай, или же она написана будет в двух отдельных графах, дело несколько не меняется, и тут, и там идея раздельной оценки остается налицо

Мастерство при сколе и исправлении следа

Если полаз и добычливость относились как бы к первой части работы гончей, т.е. к подъему зверя, то, начиная с мастерства, вскрывается ряд моментов, относящихся непосредственно к самому гону, т.е. к преследованию зверя с голосом.

Если бы зверь ходил только на кругах или же напрямиком, то от гончей требовалось бы главным образом чутье и ноги. Однако большей частью заяц, не надеясь на свои ноги, начинает хитрить, путает след, скидывается, делает двойки, петляет и, наконец, западает. Для того чтобы уметь разбираться во всех этих хитростях необходимо мастерство, умение быстро ориентироваться при сколе, сделать довольно значительный круг при работе по красному и наоборот тщательно покопаться у самого места скола при работе по беляку. Тут нужна опытность, сметка и конечно настойчивость. Мастерство является наибольшей гарантией успешности охоты, особенно по зайцу, так как без него всякий скол рискует быть неисправленным, а следовательно зверь останется потерянным. Только уверенность в умении разбираться в хитростях зверя может сделать приятной охоту, ибо только при этих условиях зверь будет ходить на кругах, и охотник будет иметь шанс встретиться с ним. Гон до первого скола превращает охоту в бесцельное занятие. Чем меньше перемолчек, чем скорее справляется гончая на сколах, тем выше ее мастерство. Поэтому мастерство оценивается выше всех других свойств работы.

Мне хочется предостеречь читателей от одной ошибки, которую многие гончатники делают, и которая происходит от неправильного понимания того участка работы гончей, который определяется названием графы.

Некоторые склонны понимать графу «мастерство при сколе и исправлении следа» значительно шире, считая, что мастерством измеряется как бы вся работа гончей, т.е. весь комплекс этой работы. На такое понимание толкает новичков этого дела то обстоятельство, что они часто слышат разговоры о «мастерстве», о «мастеровитой гончей», откуда и распространяют это понятие и на отдельную графу.

Действительно, в общежитии, в обиходном охотничьем словаре, под словом «мастер» понимается такая гончая, которая соединяет ряд положительных качеств, и этикетка «мастер» свидетельствует о том, что она является хорошим гонцом, более других чуткиста, мастеровата и вязка. Однако при разложении работы гончей на отдельные элементы, не можем понимать мастерство в этом распространенном толковании, и должны строго держаться того участка ее работы, который намечен самым заголовком графы

В этом случае мастерством должно считаться искусство гончей при выправлении следа, когда заяц наделает свои характерные двойки, тройки, скидки петли и т. д., или на сколах, т. е. когда след уже потерян, и надо его вновь отыскивать. Тут немаловажную

роль, конечно, играет чутье гончей, которое помогает ей разбираться в свежести, пахучести следа, но опытность, природная сметка и знание заячьих хитростей имеют решающее значение. Прежде всего у нас нет никаких опытов над, чутьем гончей, нет даже наблюдений, которые можно было бы подвергнуть обработке, почему и трудно решить вопрос о том, что помогает гончей разобраться в тройке зайца: разность ли запаха между последовательно наложенными почти один на другой следами зайца или же сноровка — при подобном подозрительном букете запахов тут же задать небольшой кружок и снова перехватить правильный след зверя.

Во всяком случае, при сколе мастерство играет первенствующую роль, так как гончая в зависимости от того, какого зверя она гонит, должна совершенно различно вести себя, чтобы как можно скорее справиться след. Так, если скол произойдет по беляку, то гончая должна делать круги небольшие, ибо беляк западает обыкновенно где-нибудь тут же поблизости. Наоборот скол по русаку требует значительно больших кругов, а скол по лисице обусловит самые большие, широкие круги. Тут поможет не столько чутье, сколько именно мастерство, т. е. умение ориентироваться в любом случае, уверенность, приобретенная опытом или заложенная [по наследству, в том, что надо поступить именно так, а не иначе. Отсюда вытекает, что мастерство, расцениваемое таблицей полевой пробы, наиболее ярко выступает во время преодоления гончей заячьих хитростей во время сносов, т. е. когда собака пронесется мимо зверя, и сколов.

Чутье

О чутье гончей написано порядочно, однако все написанное является почти исключительно теоретическими рассуждениями, и только некоторые авторы заметок делятся своими наблюдениями и опытом. Однако эти наблюдения носят чисто случайный характер и поскольку они не были систематическими, построить на них какие-либо выводы невозможно.

До последнего времени никаких опытов над чутьем собак не производилось, и только теперь на это обращено особое внимание.

Над изучением чутья старательно работают, особенно за границей, и имеется ряд интересных достижений.

В сущности, говоря, чутье входит во многие другие элементы работы гончей. Так, например, добычливость тесно связана с чутьем, так как для подъема зверя оно совершенно необходимо. Мастерство на сколе и исправлении следа тоже довольно тесно переплетается с чутьем и, наконец, вязкость, являющаяся следующим элементом работы гончей, тоже находится в большой зависимости от чутья. Таким образом, огромная роль чутья в работе гончей совершенно очевидна. Но вопрос, который нас сейчас интересует, заключается в том, должно ли чутье быть незаметно распыленным среди других элементов работы или оно, наоборот, должно быть выделено в отдельную графу, и получить самостоятельную оценку наравне с другими элементами работы.

По этому поводу были высказаны различные мнения. Старые таблицы проб МОО вообще не имели обособленной графы «чутье», она появилась лишь в моем докладе кинологическому съезду и была утверждена этим съездом. Однако старый опытный гончатник В. А. Селюгин, еще задолго до съезда, выдвинул в своей статье ¹(«Наша охота», 1910 г. № 11.) требование ввести чутье в таблицу оценки, как чрезвычайно необходимый элемент работы гончей, *«специальной графы для оценки чутья испытываемых гончих, — пишет он, — на полевой пробе Московского о-ва охоты нет. Оценка чутья, вероятно, входит в графу «Мастерство на сколе и исправление следа». Думаю, чутье должно быть выделено в отдельную графу и, если стрелять зайца, не только чуть ли не с подъема, но и на втором и третьем кругах, то судьи будут иметь возможность составить себе представление о чутье испытываемых стай».*

Рассмотрим теперь, можно ли на полевых пробах при сильно ограниченном времени испытать у гончих чутье и следует ли вообще выделять и оценивать его в самостоятельной графе.

Раздается очень много голосов за то, чтобы не выделять чутье в отдельную графу, так как во время пробы будто бы невозможно определить степень чутья, для чего необходимы длительные охоты с данной гончей. Это конечно совершенно неверно, так как есть много таких моментов работы гончей, в которых чутье обнаруживается очень ярко и резко. Мало того, бывают такие участки работы, которые говорят лишь о наличии чутья у той или другой гончей, почему справедливо выделить эту особенность гончей в отдельную графу. Какие же участки, какие моменты работы дают нам возможность ярче всего определить наличие чутья у гончих?

Если вы возьмете работу гончей по русаку, который любит поля, дороги, любит сесть на межу, то вы убедитесь, что здесь понадобится, прежде всего, именно чутье, чтобы гончие его хорошо держали. Разве не случалось вам наблюдать, как зверь, пошедший дорогой, по железнодорожному полотну и т. д., часто бывает стерян именно собаками с малым чутьем, и как в таких случаях наиболее чутыистая гончая всегда справляет растерявшихся товарищей не потому, что она опытней, а просто потому, что она чует там, где другие не чувят. Поэтому поводу я вспоминаю чрезвычайно яркий пример из собственной практики. У меня в стае была первоосенница выжловка «Кинарка». Когда заяц шел дорогой, шоссе или железнодорожными путями (иногда поворачивая под прямым углом), то всегда стаю справляла именно она, так как чутье у ней было изумительное, а об опытности у первоосенницы конечно говорить не приходится.

Таким образом, если вам удастся перевидеть некоторые заячьи уловки по запутыванию следа, его петли, двойки, тройки, скидки и пр. хитрости, вы всегда сможете достаточно точно определить размеры чутья гончей.

На одной из проб, организованных т-вом «Московский охотник», был очень интересный случай, когда работа испытывавшейся гончей позволила с очевидностью убедиться, что чутье вполне поддается расценке. В первый же день пробы (2 ноября 1929 г.) испытывался молодой выжлец «Бушуй» М. Е. Дмитриева. Подняв зайца (крупного матерого беляка), он сначала хорошо держал его, с очень небольшими перемолчками, большой круг, во время которого беляк, очевидно, не делал особых хитростей, но как только заяц стал западать, скидываться и прибег к своим обычным приемам, чтобы отделаться, выжлец вскоре же стерял его, так как одного чутья здесь было недостаточно, а понадобилось мастерство и опытность, чем выжлец еще не обладал. Об этом же мы читаем и в сухих строках самого отчета:

«Всего гонял 50 минут. Выжлец оставил приятное впечатление своим зарким гоним, обнаружил хорошее чутье, но еще недостаточную опытность и умение разбираться в заячьих хитростях, как следствие молодости и непозволительно краткого времени для нагонки по существующим законам» ¹(¹ Отчет 1 областной (4-й очередной, пробы гончих т-ва «Московский охотник»)).

Всего вышеприведенного достаточно, чтобы иметь полную возможность ответить утвердительно на вопрос: можно ли определить на полевой пробе чутье гончих?

Посмотрим теперь, что нам известно о силе чутья гончей, какими наблюдениями и опытом можем мы поделиться.

К сожалению, как я уже говорил, в этой области мы не только не провели каких-либо научных опытов, но даже наш личный опыт не удосужили как-либо соединить и систематизировать.

Известный авторитет по гончим Н. П. Кишенский посвятил целую статью ¹(¹ О чутье гончих собак. — «Природа и охота», 1878 г., № 4.) чутью гончей, в которой он попытался обосновать положение, что чутье гончей выше чутья легавой. На это последовал обстоятельный ответ Д. Вальцева²(² Несколько слов на статью—О чутье гончих собак. — «Природа и охота», 1878 г., № 6), который, опровергая положение Кишенского, тоже не

может похвастаться вескостью своих доказательств. Вопрос этот остается открытым и по сие время.

Помимо попытки доказать превосходство чутья гончей над легавой, Кишенский в своей статье приводит общие положения о том, в какую погоду гон бывает хуже, а в какую — лучше. Заслуживают интереса его наблюдения над изменением чутья гончих от направления ветра. По его словам, лучший гон бывает при северном, северо-восточном и восточном ветре, а худший — при северо-западном, западном, южном и юго-восточном.

«Случалось, — пишет он, — так, что с утра ветер дует благоприятный, и гончие гоняют отлично, затем ветер меняет направление, переходит в юго-западный, и собаки теряют чутье. Бывало и, наоборот: с утра дует юго-западный ветер — собаки не гоняют; переменялся ветер — и гон начинался хороший... Состояние погоды бывало и сухое, и дождливое, и ненастное без мокроты, а чутье пропадало одинаково».

Самая хорошая погода для гона или безветренная, пасмурная, достаточно прохладная при условии, чтобы под ногой было мягко и умеренно сыро, или погода с небольшим ветерком. Мелкий осенний дождь нисколько не вредит работе собак, и я много раз наблюдал, что под таким дождем гончие работают даже лучше, чем в ясный солнечный день. Но в проливной дождь, который заливает следы, гончие обычно работают очень плохо. Лучше всего гонят гончие по чернотропу, хуже по белой тропе и совсем плохо в пестрое поле¹ (¹ Тропою на языке гончатников называется состояние земли в лесу и полях. Так *черная тропа* — время до снега, *белая тропа* — когда земля покрыта снегом; *пестрое поле* — когда земля покрыта снегом не повсеместно, а частично, что обычно бывает при первом снеге). В такое время гон обыкновенно не ладится, гончие плохо поднимают, часто скальваются и скоро теряют.

Рассмотрим теперь вопрос о силе запаха того или иного зверя. Заяц, например, на лежке дает очень мало запаха, что проверено многочисленными опытами. Вот что по этому поводу пишет В. В. Деконнор² (² О гончих. „Семья Охотников“, 1908 г., № 23.): *«Заяц на лежке дает так мало запаха, что его самая чутыистая собака и в десяти шагах не почует; если бы заяц при приближении собак не вскакивал сам, его бы не подняли собаки. В те дни, о которых я упоминал, что собаки не поднимают зверя, бывают случаи, что гончие давят зайца на лежке. Причина та, что заяц при приближении собаки не встает, собаки его и в пяти шагах не чуют и схватывают, наткнувшись в упор. В обыкновенные же дни дело обстоит так: собака топчется, разбирает скидки, петли, которые заяц понаделал перед лежкой, заяц в это время вскакивает, если собака его не увидела, она погонит, наткнувшись на взбудный след».*

Почти то же пишет В. А. Селюгин в уже упоминавшейся статье:

«Из всех гончих, бывших у меня и виденных мною в работе, только один мой «Валей» поднимал зайца, светрив его на лежке шагов за 15—20». И несколько далее: «Беляк, чтобы отделаться от гончих, начинает западать в крепь, а русак у нас еще и махнет на версту дорогой и, скинув, западет; вот и бьются собаки кругом да около, а верхом прихватить упалого не могут».

Что заяц на лежке дает мало запаха — это очевидно, и на этом основывается продолжительность скола по упалому (залегшему) зайцу. В отчете А. Обинского¹ («Три дня с гончими в Тишковском лесу». - «Наша охота», 1912 г., № 2.) об известном, столь нашумевшем испытании англо-русской стаи Корбе-Баковецкого, происходившем в 1911 г. в Тишковском лесу, после нескольких примеров, рисующих высокое чутье гончих, мы читаем: *«Собаки лезят, но найти упалого не могут. Стоим, судим и рядим, и, наконец, я иду к месту скола. Запавшего гонного русака нахожу»* и т. д. Дальше рассказывается, как послали за фотографическим аппаратом, как снимали зайца, и только после этого была вызвана стая. Нелишне сказать, что стая состояла более чем из 10 смычков. Очень интересен вопрос, сколь долго сохраняет след зверя свой запах. Я припоминаю, что на одной из московских проб гончих у меня произошел интересный спор с одним из присутствующих на пробе старых охотников по вопросу о том, до какого часа приблизительно сохраняется

запах заячьих жировок. Я говорил, что жировой след, по моим наблюдениям, сохраняет свой запах, во всяком случае, до полудня, а мой оппонент утверждал, что гончие чувят его лишь до 9—10 часов утра.

Вот что пишет об этом Деконнор: *«Обыкновенно же всякая приличная гончая в течение дня может почуять заревой нарыск, и до вечера чует жиры и след на лежку. След зверя, идущего спокойно, сохраняет запах 9—12 часов, наверное, и это независимо от того, какой день для гоньбы — хорошего ли чутья или плохого».*

След зайца гораздо менее пахуч, чем след красного зверя, т. е. лисицы или волка. Поэтому гон по последним всегда ровнее и легче, чем по зайцу. Однако запах следа лисицы сохраняется меньшее время, чем след зайца. Это неоднократно мной было проверено. Сколько раз бывали такие конфузные на первый взгляд случаи, что гончих бросали на след несколько часов тому назад слезшей лисицы, и ни одна гончая не отзывалась. И наоборот, когда, желая проверить, делали опыт с таким же остывшим следом зайца, гончие, правда, не сразу, но прихватывали его и, наконец, доходили до зайца.

Об этом же пишет и Деконнор ¹(¹ «О гончих», «Семья охотников», 1908 г., № 23): *«Обыкновенно полагают, что след зайца дает меньше запаха, чем след лисицы. Относительно гонного следа, быть может, и так. Что касается заревых следов* ²(² Заревым называется утренний след), *то общепринятое мнение неверно. После полудня редкая собака пойдет добором по заревому нарыску* ³(³ Нарыском называется след лисицы.), *а жиры и след на лежку гончие обыкновенно чувят до вечера.*

Я не могу припомнить, но в одном очерке псового охотника я читал, как особую похвалу какому-то выжлецу, что он чуял след несколько часов тому назад прошедшего волка. Все это говорит о том, что даже средняя по чутью гончая должна поднимать зайца во второй половине дня. Однако у многих охотников, особенно молодых, еще неопытных, сложилось твердое убеждение, что к 12 часам дня гончим самостоятельно поднять зайца невозможно и нужны либо легендарные «верхочуты», либо поднять должен сам охотник.

Следует еще отметить, что гон по зайцу, поднятому самой собакой, всегда лучше, ровнее, чем гон по зайцу, согнанному скотиной или другой собакой. Чем это объясняется, не могу сказать, но наблюдал это много раз.

Теперь мне хочется остановиться на «верхочуте», так как о «верхочутах» очень много писалось и пишется и до настоящего времени (см. книгу Н. Челищева «Гончая»), а еще больше говорится. Очень многие верят в существование «верхочутов», которым приписываются совершенно необычайные способности.

Верхочутом называется гончая, которая обладает верхним чутьем и которая на гону не придерживается строго тонного следа зверя, а идет сбоку, на значительном расстоянии, а на сколе вместо того, чтобы работать на кругах, стараясь отыскать зверя, прихватывает будто бы сразу же запах самого запавшего зайца, почему сколов у таких верхочутов почти не бывает, а бывают небольшие перемолчки.

Посмотрим, как освещался этот вопрос в охотничьей печати. Вот что пишет о верхочутах В. А. Рахманов ¹(¹ «Несколько заметок псового охотника Калужской губернии по поводу статьи Мачеварианова». — «Журнал охоты», 1875 г., № 6.): *«Начну с того, что он (Мачеварианов) говорит, — мастер в стае должен быть верхочут. Не знаю, насколько это доступно в Симбирской губернии, но у нас такие собаки не ценятся, обыкновенно их сбывают, потому что отдельные собаки, подваливши на ее отзыв и не слыша чутьем следа, раскидываются врозь; доезжащий и выжлятники сбываются с топку и, несмотря на свои крики — «Слушай, к нему» — ничего не могут сделать со стаей и собрать ее в общий гон. Вообще эти верхочуты после двух осеней делаются перечниками, портят все поле, участь их большей частью — «петля на шею».*

Долгие годы охотничья литература хранит молчание о верхочутах, но в 1906 г. появляется заметка известного гончатника, вдумчиво относящегося к работе гончей, К. П. Баковецкого ²(² «О верхочутых гончих». — «Псовая и ружейная охота», 1906 г., № 28.), в которой он пишет: *«Справочная книга для охотников, календарь Сабанеева, указывает на*

верхочутость, как на одно из неоцененных достоинств костромской гончей. Наши охотники, наслушавшись рассказов про знаменитых костромичей, стали восхвалять верхнее чутье гончей наравне со всеми книжными атрибутами, присущими этой гончей, приняв все это и даже самое существование костромской гончей на веру. Действительность же говорит, что верхочутыми гончими зверя сгонять нельзя, разве зайца, да и то редко. Причина та, что верхочутая гончая с поднятой головой несется то справа, то слева следа и часто без толку уносится вперед от гончей, которая как пришитая держится следа. Это утверждает охотник, пятидесятилетняя охота которого выработала большую практику и наблюдательность. Французы и англичане, как утверждают люди, знакомые с охотничьей литературой этих народов, ценят только гончую, которая держит след, как пришитая, «line hunter», ибо только с такими гончими всякий зверь, рано иди поздно, а будет сгонен. У англичан и французов термина «верхочутый» для гончей вовсе нет, а то, что у русских «верхочутый», то у них «bricoleur», «fighty», которых они уничтожают. Думаю, что показания охотников, умудренных более чем столетним опытом, как англичане и французы что-нибудь да значат».

В своей другой за метке¹ (1 «Ответ Ружейнику Антону». - Там же, 1906 г., № 31), являющейся ответом на возражения Ружейника Антона, Баковецкий пишет следующее: «Верхнее чутье у гончей считается пороком, потому что как бы сильно оно ни было, при бешеном преследовании зверя, особенно когда ветер не со стороны следа, а за следом верхочут неминуемо должен сколоться. Сколовшись, верхочут разыскивает зверя верхним чутьем, по этой причине собака, отдавшая преследованию все свои силы, с разинутым ртом, еле переводя дыхание, за редкими исключениями почует верхним чутьем успевший уже остыть запах зверя. Вот почему верхочуты и одного круга по зайцу не держат и бросают гнать, разыскивая нового зверя. ...В заключение должен сказать, что собаки, которые держат след как пришитые к нему, не пеши. Иначе чем объяснить езду англичан rag force, когда известно, что верхочутов они выбраковывают? Если бы английские гончие были пеши, англичанам не пришлось бы скакать сломя голову за стаей на своих, привыкших к бешеной скачке лошадях. Что дельные не верхочутые гончие никогда так не будут нестись за зверем, как пресловутые верхочуты — это верно, но толку от этого безумного «ерзанья», как убедится впоследствии Ружейник Антон мало».

Наконец Деконнор в 1908 г.² (2 «О гончих». — «Семья охотников», 1908 г., № 22) пишет о верхочутах следующее: «Кроме того, между русскими гончими редки такие, которые бы в гону держались по самому следу, что составляет великое достоинство и непрременное условие хорошего гонца. Русская гончая идет то справа, то слева от следа, перескакивает через него. Русские охотники склонны видеть в этом «верхочутость», но таких «верхочутов», как справедливо когда-то в «Журнале охотника» заметил Рахманов, возражая Мачеварианову, нужно вешать. Настоящий гонец в дни заурядного чутья идет по самому следу; в дни особенно хорошего чутья может идти сбоку следа, но всегда с подветренной стороны, а не переносится со стороны на сторону, как пресловутые «верхочуты» русских охотников»

Эти описания верхочутов настолько обстоятельны и ярки, что мне кажется больше говорить о них нечего. И хотя в книге Челищева «Гончая» и повторяется все то, что о них говорилось Кишенским и другими в 80-х годах прошлого столетия, а Алексеев в своей статье пишет: «Есть гончие, причуивающие зайца на лежке за 50—60 шагов», **надо твердо помнить** во время испытаний гончих, что от «верхочута» до «шалавы» всего один шаг, и строго проверять случаи «верхочутости», дабы не произвести на высшие баллы незаслуженно какую-нибудь дрянь, идущую из-за своего огромного верхнего чутья не по следу зайца, а этак — за полверсты от него, так что самого зайца-то никогда и не видно. Заканчивая главу о чутье, закончу ее знаменательными словами Селюгина¹ (1 «О чутье гончих». — «Наша охота», 1910 г., № 11.). «Но до тех пор, пока от гончих будут требовать почти только вязкости и полаза и при сортировке² (2 Сортировкой называется подбор

производителей.) *не будут обращать внимания и на чутье, — хорошие работники среди них будут такой же редкостью, как сейчас»*

Вязкость

Разделяя работу гончей на составные элементы, мы естественно должны (с наибольшей точностью) определить границы каждого элемента и во всяком случае иметь вполне четкое представление о том, в чем выявляется этот элемент. Когда, перечисляя элементы работы гончих, мы говорили о вязкости, то мы вполне сознательно и законно суживали это понятие по сравнению с тем, которым пользуется язык общежития

В самом деле, в обиходном словаре охотника-гончатника вязкость получает слишком широкое, совершенно неправильное применение. Желая похвалить работу каких-либо гончих, охотник в разговоре частенько говорит, что у такого-то гончие «очень вязкие» или еще для красочности прибавит «вязки до сумасшествия». Эти же выражения встретим мы и в охотничьей литературе, куда проникли они из повседневного, разговорного языка.

Здесь мы сталкиваемся с обычным явлением разговорного языка, когда какое-нибудь более узкое, но зато очень выразительное понятие заменяет собой более широкое, но зато и более бледное, менее характерное. В этом случае вязкость понимается как комплекс отдельных положительных рабочих качеств гончей, служа синонимом отличной работы. Когда мы слышим, как говорят: «невязкие гончие, достаточно вязкие, очень вязкие, вязкие до сумасшествия», то мы в уме перелагаем эти определения на трафаретное «плохие, удовлетворительные, хорошие, великолепные по работе». Однако такое распространенное толкование вязкости конечно неверно, так как совсем не определяет более или менее четких границ вязкости от других элементов работы гончей. В самом деле, если мы скажем, что гончая верно и вязко гонит, без перемолчек; то значит ли это еще и то, что у нее хороший полаз, хорошая добычливость и хороший голос? Конечно, нет. Она может быть чудным работником, но иметь отвратительный голос, и наоборот, может иметь фигурный, замечательный голос, громоподобный бас и быть никуда негодным работником. Гончая может быть прекрасным гонцом, но вяло идти в полазе и быть малодобычливой, что правда, бывает редко. Но зато сплошь да рядом можно наблюдать обратное явление, когда добычливая и хорошая в полазе гончая бывает плохим работником. Прекрасный гонец может быть очень пешим, а повеса — очень паратым. Наконец и нестомчивость гончей далеко не всегда идет рука об руку с ее хорошим чутьем, мастерством и вязкостью. Все это показывает что развитие какого-либо одного качества еще не гарантирует такого же развития других качеств. Часть из них связана между собой так тесно, что разграничить их подчас крайне затруднительно, часть же не находится ни в какой связи

Из всех перечисленных элементов работы три, стоящие рядом: чутье, мастерство, вязкость, так близко соприкасаются между собой, что иногда трудно определить точные границы каждого в отдельности. Действительно, только наличие всех этих трех качеств может гарантировать настоящий верный гон, из-под которого рано или поздно можно убить зверя. Тот гон, который называется в общежитии *вязким*. Откуда и привилось к вязкости это распространительное толкование. Все равно, как называя работу гончей отличной, хорошей или плохой — подразумевают весь комплекс ее работы, так, говоря про гончую, что она «вязкая», мы неизменно включаем в это понятие все три вышеуказанные элемента. Из этого следует, что такое определение вязкости далеко не точно, а следовательно неправильно. В самом деле, посмотрим, чем необходимо обладать гончей чтобы ее гон можно было назвать вязким в том смысле, как это понимается широкой охотничьей массой, т. е. настойчивым и продолжительным. Прежде всего конечно чутьем, затем мастерством, чтобы выправить след, когда заяц его запутает или заляжет, и наконец вязкостью, т. е. упорством в преследовании, нежеланием бросить гонного зверя, *старанием во что бы то ни стало его откопать, и вновь и вновь преследовать*. Таким образом у нас как будто уже намечаются некоторые границы для этих определений. Оставим чутье и мастерство в стороне и остановимся на вязкости.

Как мы уже разобрали, продолжительность, верность гона зависит не только от одного упорства в преследовании, но прежде всего от наличия чутья, а затем мастерства. Поэтому не всегда правильно отождествлять верность и длительность гона с вязкостью. Отсюда может быть сделан совершенно неправильный вывод, что плохо гоняющая гончая не может быть вязкой и наоборот, хорошо гоняющая непременно вязка. Это неверно. Представим себе молодую, неопытную гончую или старую, потерявшую чутье, разве не могут они быть настойчивыми в розыске упалого или удалелого зверя, разве не могут они часами копаться на сколах и не справиться, не поднять зверя из-за отсутствия опыта или чутья? Разве за это мы будем лишены права назвать их вязкими? Вот как определяет понятие вязкости Н. П. Кишенский в «Записках охотника Тверской губернии и ружейной охоте с гончими», печатавшихся на страницах «Природы и охоты» за 1879 и 1880 гг., и вышедших затем в 1906 г., отдельной книгой под заглавием «Ружейная охота с гончими».

...«Поэтому первым и самым необходимым качеством ружейных гончих должна быть вязкость, и вязкость без подзадоривания, они должны работать одни, не слыша и не видя человека, гнать поднятого зверя до тех пор, когда положит его выстрел охотника или он сдастся и попадет в зубы... Только тогда, когда зверь пошел напрямиком, не задает круга, хотя бы огромного, в несколько верст, гончие должны бросить след и вернуться».

Это почти верное определение, достаточно точно и полно охватывающее понятие вязкости, в несколько измененной редакции вошло и в правила бывшего Московского о-ва охоты, а из них в правила, утвержденные кинологическим съездом. Вот редакция этого определения: *«Вязкость оценивается упорством в преследовании гончей зверя. Требуется, чтобы гончая ни в каком случае не бросала гонного следа и после скола не возвращалась бы к охотнику, а разыскивала бы запавшего зайца.*

Примечание. *Для правильного суждения о вязкости не допускается охотнику подходить к собакам и помогать им при сколе иначе, как по требованию судей».*

Даже при самом беглом сравнении этих двух определений, нам сразу бросается в глаза отсутствие в съездовском определении упоминаний о допустимости бросить след, если зверь пошел напрямиком. Это становится вполне понятным, так как правила полевой пробы бывшего МОО и съезда предусматривают испытание гончих исключительно по зайцу, а уходящих куда-то по прямой в неизвестность зайцев в природе не существует, хотя Кишенский и делит всех зверей на местных и набеглых. Но помимо этого вопрос о ходе зверя (прямиком) у Кишенского все же недостаточно ясно изложен. Что значит выражение *«когда зверь пошел напрямиком, не задает круга, хотя бы огромного в несколько верст»* — без обозначения этого «прямика» хотя бы примерно в километрах. Под это определение может с успехом подойти и наш русачок, который иной раз напрямик, по дороге, махнет на 2—3 км. Что же гончие должны его бросить?

Наконец, переходя к красному зверю, такое определение будет и вовсе неверным. Мы знаем, что вначале у псовых охотников, держащих комплектные охоты, гончие должны были только выставлять зверя из леса в поле на своры борзых. Почему особой вязкости не требовалось. Наоборот, излишнее ее проявление даже мешало охоте, так как стая гончих, прорвавшаяся за волком в поля, срывала иной раз на целый день охоту. В таких случаях доезжачий и выжлятники обязаны были успеть заскакать и сбить со следа стаю, чтобы вновь набросить ее в остров.

С легкой руки Глебова, Бибикова и др. начала прививаться охота по волкам с гончими, напоминающая парфорсную езду, когда гончие должны были осилить, взять силой волка, которого принимает охотник, равняющийся под гоном стаи. Такая охота, естественно, ставила самые повышенные требования к вязкости и для этой охоты вполне понятной становится неудачность формулировки Кишенского, так волки сплошь да рядом ходили напрямик, что не избавляло их от преследования доподлинно вязкой стаи.

Интересно, что позднее Кишенский, полемически заостряя свои писания, направленные против псовых охотников, которые убавили вязкость русских гончих требованием

чрезмерного послушания и позывистости, развил свои соображения о вязкости в направлении, которое с одной стороны еще более сузило границы истинной вязкости, а с другой позволило объединить понятие вязкости с непослушанием; и недисциплинированностью. Вот эти положения: *«Бросить след вязким ружейным гончим позволительно в трех случаях, именно: 1) когда зверь бросился в стадо домашнего скота, ибо, по правилам ружейной охоты, территория, занятая стадом, для гончих недоступна; 2) когда зверь пошел напрямиком и не ворочает (гончие это понимают отлично); 3) когда зверь не убит и еще не сдается, а наступила ночь и охотник трубит вызов. Это третье исполняют лишь осенитые гончие, следовательно, опытные, а от молодых и вязких этого не дожидайся»* И несколько далее. *«Как это ни кажется странным в особенности псовым охотникам, но я лично не люблю **очень** позывистых гончих и не без основания, так как замечал, что очень позывистые гончие всегда не вязки и менее страстны, сколько мне ни приходилось иметь или знать замечательных **упорных** гонцов, которые в одиночку осиливали и сганивали матерых лисиц, все они **без исключения** были крайне непозывисты»*.

Подмена вязкости непозывистостью и непослушанием пришлась очень по вкусу ружейникам, и до настоящего времени этот взгляд упорно держится, причем непозывистость и непослушание понимаются как верные признаки вязкости.

На ошибочно понятой фразе был позднее основан совершенно неправильный взгляд, что ружейная гончая должна гнать зверя только в лесу, бросая его, если он пойдет полями или напрямик. Охотники, уверовавшие в это правило, стали ценить главным образом гон по беляку, который, обитая в сплошных массивах, ходил лесом, не выбираясь в поля. Мнение Кишенского, что *«матерый беляк — пробный камень для гончих»* окончательно утвердило этот взгляд. Отсюда выросло разногласие, которое до последнего времени царило между охотниками северных и средних районов республики, охотившимися почти исключительно по белякам, и охотниками южных районов, объектом охоты которых был только русак. Это разногласие особенно ярко проявилось на страницах «Нашей охоты», когда поднялся спор о русских и англо-русских гончих.

В сущности, под вязкостью надо понимать **азартность гончей, врожденную жадность к зверю и главное настойчивость в преследовании зверя, заставляющие вязкую, верную гончую не обращать внимания на попавшийся след другого одноименного зверя, а продолжать гнать ранее поднятого**. Переход от одного зверя на другого допустим только в том случае, если гонный след пересекает след более интересного для гончей зверя, т. е. при гоне по зайцу — лисицы, а при гоне по лисице — козла или волка. Такой переход является, наоборот, несомненным достоинством и только та гончая, которая всегда предпочитает след красного зверя зайцу, имеет право на наименование *красногона* или *зверогона*.

У нас мало обращают внимания на то, чтобы гончая *верно* держала след. В зайчистых местах многие собаки переходят с одного зайца на другого, доставляя своим владельцам радость слушать непрерывный гон. Однако таких: зайчистых мест у нас за последнее время стало немного, почему собакам невольно приходится гонять по одному и тому же зайцу. За границей, особенно во Франции, очень ценится в гончих верность гона, т. е. то, что раз подняв зверя, например, оленя, и погнав его, гончие не подменяют его другим, даже если он пройдет через стадо других оленей. Такие собаки называются *chiens de creance* и расцениваются особенно высоко, хотя надо сказать, что все породы французских гончих, как правило, вообще верны следу гонного зверя.

Таким образом, мы приходим к той формулировке вязкости, которую содержат правила полевой пробы гончих, утвержденные кинологическим съездом, из текстового смысла которой (и особенно из примечаний) мы ясно видим, что вязкость обнаруживается главным образом на сколах, почему охотнику запрещается помогать собакам, чтобы позволить судьям легче судить о размерах вязкости. Отсюда вытекает, что продолжительность гона и его непрерывность не могут определять собой вязкости.

Злобность

Злобность — врожденное свойство гончей, безошибочно указывающее на ее кровность, так как она совершенно несвойственна полудворняжкам, какими бы хорошими гонцами по зайцу они ни были. Злобность заставляет гончую предпочитать красного зверя зайцу, бросает ее на след опасного противника — волка, злобность же понуждает ее не отступать даже от следа медведя.

Частенько приходится слышать вопросы, особенно в провинции, — какая порода более злобна и лучше гоняет по волкам. В последнее время с легкой руки Челищева ¹(¹ Челищев. — Гончая, ее воспитание и охота с ней. — 4-е изд. Всекохотсоюза 1929 г.), утверждавшего, что русские гончие к моменту революции утратили одно из очень важных своих качеств — злобность (и безапелляционно отвечавшего на вопрос какая из современных пород гончих собак пригоднее всего для псовой охоты — только англо-русская), пошло мнение, что русская гончая по волку не гонит.

Это совершенно не подтвержденное никакими фактами, голословное заявление я оставляю на совести Челищева, но во имя справедливости хочу привести несколько интересных фактов.

Я не стану приводить здесь выписку о замечательной работе русской стаи Свечина, которая приведена уже в моей книжке «Породы гончих», тем более, что это относится к давно прошедшим временам, а Челищев, обвиняя русскую гончую, говорит о более близком к нам времени. Поэтому, я покажу здесь работу русских гончих в стае Мамонтова в предреволюционные годы, а затем приведу характеристику русских гончих, гоняющих по волку в настоящее время.

Вот что пишет В. С. Мамонтов ²(² «По поводу заметок А. Ф. Данилова, Д. С.—ма и А. О. Эмке». — «Семья охотников», 1911 г., № 20.) о работе русских гончих, работавших в его стае наряду с англо-русскими (что само по себе чрезвычайно характерно, так как зачем же человеку держать у себя плохих гонцов по волку (русских), когда рядом работают хорошо англо-русские?).

...«Должен сказать, что и костромичи у нас работают не хуже. Костромской выжлец «Строчило», на глазах у всех борзятников, вывел прибитого волка и провел его чистым полем 2 версты. А сколько всего волков было сострунено из-под этого «Строчилы» и его детей, багряных «Помчилов» и «Забаваля».

Переходя к настоящему времени, позволю себе сослаться на «Гудка», Новохоперского т-ва, происходящего от хлебниковских гончих, который зарекомендовал себя как гонец мертвой злобы по волку, что не откажутся подтвердить товарищи из Новохоперска. Когда было послано приглашение от т-ва «Московский охотник» в Новохоперск доктору Корнилову принять участие в предполагавшейся садке гончих по волку, то он привез среди потомков глебовских англо-русских собак и «Гудка», говоря, что этот последний всегда берет первым раненого волка по месту и отличается мертвой злобой.

Наконец, осенью 1930 г. в тульской англо-русской стае работали по волкам две русских багряных выжловки и вот что про одну из них написано ¹(¹ В. С. Мамонтов. — «Гоняют ли русские гончие по волкам». — «Собаководство», 1931 г., № 1.) «Гнездовик-материк был выставлен на линию стрелков всего двумя собаками, из коих одна была багряная русская первоосенница. Обе собаки вынесли зверя «на щипцах», подрывая его за гачи, причем шли так близко к материку, что не давали стрелку возможности дать выстрел. Только уже за линией стрелков в сосновых редочах волк настолько отделился от собак, что удалось выстрелить. Подраненный по уgonу в зад, волк осел и обе собаки одновременно вцепились ему в уши, но оправившийся зверь стряхнул собак и вывалившись в опушку, полями унес свою голову. Какое же может быть еще более яркое доказательство полноценной пригодности обеих пород гончих к охоте по волкам».

Едва ли вообще можно вполне определенно ответить на вопрос — какая порода более злобна и лучше гоняет по волкам. Мы знаем, что в старину были стаи арлекинов, прекрасно гонявших по волкам, между которыми была известная стая Дельвига, легшая по-

том в основание солого-пегой стаи першинской охоты, брудастые гончие Протасьевых, Губина, которые ставились как замечательные зверогоны.

Единственная порода, среди которой гонцы по волку большая редкость — это польско-русские, которые (по моим личным наблюдениям и по заметкам других охотников) действительно по красному, и даже по лисице, гнать не хотят, предпочитая зайчишек.

Но в любой породе гончих есть линии, которые по красному не гоняют, не имея наследственной злобности. Обычно же работа по красному является результатом толковой приездки стаи и притравки ее к волку.

По этому поводу мне вспоминается полемика на страницах «Семьи охотников», любопытная тем, насколько скороспелы и не продуманы подчас бывают заявления некоторых наших авторитетов, впадающих частенько в противоречия. Так, Эмке¹ (Несколько слов на заметку «Мысли и воспоминания охотников». — «Семья охотников», 1910 г., № 15) в своей заметке, разбирая в печати сообщенный Даниловым случай, когда его костромские гончие Кишенского не погнали волка, пишет: *«Из своей практики я пришел к заключению, что как бы хороши ни были по своим полевым качествам борзые и гончие, молодежь необходимо притравливать».*

Когда же Данилов на это возразил, что дело здесь не в притравливании, которым ничего не привьешь, а в крови, Эмке² («Два слова на заметку. А. Ф. Данилова». — «Семья охотников», 1911 г., № 11.) в следующей своей заметке поторопился написать: *«Но по справедливости сам считаю всю эту травлю для гончих. в которых еще течет благородная кровь, «чепухой» и совершенно солидарен в этом во взглядах с Д. С-м и А. Ф. Даниловым».*

Я считаю, что практика работы по волкам совершенно необходима и гончие, чтобы хорошо работать по ним, должны быть притравлены. Конечно, бывают случаи, когда отдельные экземпляры проявляют себя сразу же, как испытанные зверогоны, но это нельзя предъявлять как требование ко всем остальным. Я знаю, что одна и та же стая гончих, много лет назад поделенная между двумя владельцами, у одного из них, находясь в местах, где были волки, работала по ним; а другая, попав в местность, где их не было, естественно не могла работать по ним, почему собаки этой стаи и не сразу потом принимались гнать по волку. Однако после известной тренировки начинали работать и они, а отдельные экземпляры этих кровей и сейчас становятся одиночными (мертвыми к волку) гонцами. Я говорю о стае Алексеева и Морозова (из теперешних потомков их следует упомянуть «Гудка» Новохоперского т-ва и одного выжлеца Дмитриева).

Голос

Голос это то, что отличает гончую от других охотничьих пород в еще большей степени, чем злобность. Ни одной другой породе не дано это характерное преследование зверя по следу с голосом. Приходится только удивляться богатству звуковых данных, которыми обладает гончая во время бешеной погони за зверем. Только по голосу гончей охотник может определить местонахождение зверя, только благодаря этому может он наметить ход его и, следовательно, ожидать встречи с ним. Отсюда совершенно ясно вытекает важность хорошего звучного голоса у гончей, особенно необходимого в ветреную погоду, когда гончую с плохим голосом легко отслушать.

О голосах было много написано, причем особенно ценным является то, что эти статьи принадлежат перу не только известных охотников, но и музыкантов (Артынову, Сафонову¹ (Артынов «Собачий хор». — «Охотничья газета». 1891 г.; Сафонов «Стая, как предмет музыкального изучения». — «Охотничья Газета», 1893 г.; Кишенский — «Голоса гончих». — «Русский Охотник», 1894 г.).

Считаю чрезвычайно интересным сообщить некоторые сведения о голосах гончих, которые бывают весьма разнообразными и составляют в стае целый хор, иногда очень красиво подобранный. Так как в статьях указанных авторов очень подробно изложены все

особенности голосов гончих, то я приведу здесь несколько наиболее интересных выдержек.

*«Каждый голос, — пишет Сафонов, — имеет свой самостоятельный уровень, или регистр, в смысле высоты издаваемых звуков... Судя по слуху, думаю, что предельные ноты собачьих голосов составляют вниз *fa* под первой линейкой басового ключа и вверх *fa* сверх 8-скрипичного ключа.*

*На основании высоты и характера звука голоса собак (как и человеческие) разделяются на четыре главные группы: высокие, нежные, так сказать женственные, могут быть названы дискантами; высокие, но более густого, мужественного тембра — тенорами; нежные, среднего регистра — альтами; густые, низкие — басами и промежуточные, соответствующие человеческим меццо-сопрано, второму тенору и баритону. Не меньшее разнообразие замечается также в диапазонах или объемах голосов. Большинство собак обыкновенно издают от 2 до 5 различных тонов, глядя по регистру, высоких, средних или низких и в пределах их располагают музыкальные фигуры своего пения; но бывают экземпляры, голоса которых заключают до $1\frac{1}{2}$ и более октав. Встречаются они редко. У меня, например, за всю, почти 15-летнюю практику, был только один, по кличке «Будило», из помеси арлекина с русской гончей. Его чудный, бархатистый *basso cantante* имел в диапазоне примерно от *si bemol* второй линейки басового ключа до *mi bemol* второй октавы, что, в связи с оригинальной манерой пения, производило впечатление целой арии. Когда он находил след, то вначале слышались низкие, отрывистые тоны. Еще сомневаясь в присутствии зверя, мерными речитативами. «Будило», казалось, рассуждал сам с собой, проверял свои мысли. Но по мере того, как усиливался запах следа, голос певца, постепенно повышаясь, принимал все более и более страстный характер, отдельные возгласы становились протяжнее и захватывали все большее и большее количество тонов. Когда же заветная цель достигалась, т. е. зверь вскакивал с лежки или всякие сомнения в близком его присутствии устранялись чересчур сильным запахом, «Будило» пронзительно вскрикивал и разражался истерическими рыданиями в самом высоком регистре своего диапазона... Вот такое-то пение я называю пением «с заливом».*

*...«Одни субъекты склонны к двухдольному пению, именно издают подряд два отрывистых звука с различными ударениями и последующую за тем паузой: ай-ай или ай-ай, другие — к четырехдольному с различными ударениями и паузой: ай-ай-ай-ай или ай-ай-ай-ай или ай-ай-ай-ай, третьи предпочитают трехдольный ритм, четвертые издают только по одному звуку и после каждого делают паузу, благодаря чему получается ритм, который можно назвать однодольным. У некоторых при известном ритме звуки двоятся вначале слышится очень короткий, сравнительно слабый, составляющий как бы форшлаг, на одну или две ступени выше или ниже, а затем уже главный, более сильный и продолжительный. Наконец, есть и такие, которые отдают звуки *portamento*, т. е. берут их не сразу, как бы подходя к ним постепенно, вследствие чего получается впечатление не одного какого-либо определенного тона, а быстро исполняемого хроматического последования сверху вниз или снизу вверх, состоящего из мельчайших дроблений целых тонов, в пределах, глядя по диапазону голоса — терции, кварты, квинты и даже октавы».*

«Пение дает в общем следующую, распадающуюся на три части звуковую картину: гон в добор, подъем или гон по зрячему, и гон по горячему следу.

*Первая обыкновенно состоит из звуков спокойных, но вместе с тем беспорядочных, так сказать, иррегулярных, не подчиняющихся какой-либо форме и идущих *crescendo*, бывает она только тогда, когда собака находит не самого зверя, а ощущает запах его следа.*

Вторая может быть названа сильным патетическим моментом и продолжается сравнительно недолго, при прежней неопределенности формы, в ней замечается наибольшая экспрессия, высота и сила звуков.

Наконец, третья служит как бы «разрешением» предыдущих диссонансов. Здесь пение собаки принимает свою настоящую форму, получает известный ритм, темп, размеры пауз — словом, получает свой индивидуальный колорит и в таком виде остается до тех пор, пока не исчезнет запах следа».

Артынов дает несколько иное объяснение залива. По его мнению «музыкально залив выражается так: гончая выкрикнет и затем вытянет октавой или двумя выше своего нормального диапазона нечто вроде продолжительного «ах» или «ай, ай, ай», затем следует более или менее продолжительный перерыв-пауза, как будто у гончей перехватило голос, после чего она берет уже в нормальном своем диапазоне, свой обыкновенный или только несколько измененный в чем-то рисунок. Это «ах» берется чрезвычайно высоко, так что выжловки в заливе добираются до трехчертных и, кажется даже до четырехчертных нот. В физиологическом отношении залив, по-видимому, происходит от сильнейшего прилива охотничьей страсти, является чисто нервным, судорожным пароксизмом, обусловливаемым нервным, судорожным сдавливанием голосового аппарата. Но есть, однако гончие, которые гонят почти все время с заливом. Такие гончие обыкновенно имеют залив несколько особенный, который некоторыми охотниками весьма характерно называется «заревом» Этот зарев свойственен, по-видимому, преимущественно русским гончим»

Образный старинный язык псовой охоты особенно богат яркими терминами в отношении голосов гончей. Если мы просмотрим ряд отдельных изданий и массу статей, рассеянных по страницам наших старых охотничьих журналов, то мы найдем там особый охотничий словарь.

Поскольку охотничья терминология, несколько странно звучащая для непривычного уха, являет собой образец сжатости, компактности и в то же самое время насыщенности и образности, поскольку знание ее дает колоссальную экономию средств, затрачиваемых на передачу, постольку я разберу здесь несколько наиболее ярких и часто встречающихся выражений.

Башур — низкий басовый голос гончей, приближающийся к октаве.

Голос с гнусью — скорее можно было бы назвать «томным» потому, что когда такая гончая отзывается, то звук ее голоса напоминает как будто вопль, заунывный, томный плач, но назван охотниками этот голос «голосом с гнусью» не без основания, так как действительно голос у такой гончей как бы гнусит, как бы выливается с помощью носовых органов (Губин).

Голосом с заливом называется голос гончей во время гоньбы, не ограничивающийся одной какой-либо нотой а как бы изменяющийся, переходящий с низких на высокие ноты и наоборот. Голос у таких гончих, когда они ведут, как будто не прерывается, вследствие чего, когда такая гончая помкнет по зверю, то о ней говорят «залилась», заливаются. Когда гончая «с заливом» ведет одна по зверю, то кажется, что ведут зверя несколько голосов, т. е. несколько собак

Фигурный голос, который во время гона меняется, переходя с низкого на высокий и обратно, и вообще чрезвычайно разнообразен.

Яркий голос — когда во время гона гончая часто отдает голос, при делении нот на четыре четверти выражается восьмыми нотами и слышится восемь раз в течение одного такта (Губин).

Ординарный голос — когда голос гончей имеет мало характерных особенностей, лишен залива, недостаточно напряжен по своему тону и т. д.

Редкосколая — такая гончая, которая, когда ведет зверя, отзывается очень редко, отдает голос через несколько шагов, а не «учащенно», как ведет «яркоголая» гончая.

Слабоголосая — такая гончая, которая отдает голос и тогда, когда не находится на следу; особенно часто это бывает с молодыми азартными гончими, которые, снесясь со следа, продолжают отдавать голос. Слабоголосость в небольшой степени молодой гончей,

хотя и нежелательна, но простительна. Однако слишком длительная слабоголосость переходит часто в пустобрехство и является одним из крупных пороков.

Пустобрех — гончая, которая отдает голос попусту, без всякого следа. Ярким примером такого пустобрехства является работа «Будилы» в Ярославле на полевой пробе 1929 г.

Обычно голоса гончих в зависимости от того, по какому зверю они гонят, заметно меняются. Так, по зайцу все гончие гонят не так азартно, отдают голос реже, чем по лисице, по которой гонят всегда ровнее, азартнее, голоса дают больше и чаще. Особенно яркий гон бывает по волку, где злоба заставляет гончую гнать полным голосом, как бы захлебываться от ненависти, с характерным для работы по волку заревом.

Опытный охотник, поохотившись с одними и теми же гончими с неделю, большей частью сумеет отличить по голосам, по какому зверю гонит стая — по зайцу или по красному. Растеряв еще за много лет до революции свои полевые качества, гончая в первую очередь от беспорядочного смешения пород утратила свой яркий, фигурный голос, и в последнее время хорошие, звучные голоса с заливами стали необычайной редкостью. К моменту войны лучшие голоса были у собак Кишенского (так называемые костромичи) и особенно у Крамаренко (англо-русские). Вот как описывает Пильц, сам имевший хороших, голосистых собак, голос крамаренковского выжлеца двенадцати осеней «Баритона», которого он слышал у К. П. Баковецкого в 1907 г. ¹(¹ «Баритон». — «Семья Охотников», 1908 г., № 19).

«Прошло с четверть часа. Вдруг, в ночной тишине пронесся какой-то вопль. Звук этот был так непохож на обыкновенный взлай гончей, что я невольно спросил — «Что это такое?». «Это «Баритон», — отвечал владелец. Вопль повторился несколько раз. Выжлец видимо шел в добор по найденному следу зайца, отзываясь сначала с большими промежутками, а потом все чаще и чаще. Описать голос этого гонца нельзя, надо самому слышать «Баритона». Почти непрерывный вой на басовых нотах, с переливами, изредка чередовался более отрывистыми взбrehами. Впечатление получалось необыкновенное, а меня, как страстного любителя хороших голосов, прямо захватывало. Двадцать пять лет охочусь я с гончими, много слышал разных стай и одиночных гонцов, но такого певца не приходилось слышать».

К этому нечего прибавлять. Вот почему голос гончей должен оцениваться не только по силе и звучности, но и по фигурности.

Паратость

Паратостью называется скорость гончей, т. е. та быстрота, с которой она преследует зверя. Вокруг понятия паратости споров почти не было, но по вопросу об ее желательности у любой гончей среди гончатников и до сих пор нет единодушного мнения. Я встречал много охотников, которые категорически отрицали предпочтение паратой гончей перед пешей, уверяя, что паратая гончая всегда проносчивее пешей. Сторонники пеших гончих предпочитают их главным образом за то, что убить из-под них зверя гораздо легче, так как идет он тихо, часто садится, прислушивается к гону и т. д. Таким образом стрелять его на тихом ходу, иногда сидячего, гораздо легче, чем зверя летящего из-под паратых гончих. Правда, они скрывают обычно этот мотив и пытаются объяснять свое предпочтение будто бы более верным гоном пеших собак, которым легче разбирать заячьи хитрости на тихом ходу, чем паратым на их бешеном аллюре. Прежде всего, это неверно, потому что и пешая гончая гонит во все ноги и если паратой ее быстрота мешает улавливать запах зверя по причине будто бы нарушения дыхания и т. п., то пешая гончая от своего хода будет иметь такое же тяжелое дыхание, что и паратая. Беговые лошади (рекордистка и обыкновенная, числящаяся по своей резвости в одной из последних групп), состязаясь на приз, одинаково прилагают максимум усилий, которые произведут на их организмы одинаковое физиологическое действие вне зависимости от того, какая из них придет первой и окажется более резвой.

Я не говорю здесь о тех пеших гончих, которые просто недостаточно азартны к зверю, почему гонят не во все ноги, а с прохладой. Таким конечно легче чуют на прямых или вообще крутых поворотах зверя, чем паратым, которые скорее могут снестись, но зато и след зверя до них доходит уже более остывший, чем для паратых, которые несут его на щипцах.

Обычно любители пеших гончих стараются доказать, что охотясь с паратыми гончими, они никогда не наблюдали такого верного и непрерывного гона, как с пешими. Объясняется это в большинстве случаев довольно просто. Большей частью гончие бывают паратыми в молодом возрасте, когда они еще неопытны, плохо умеют разбираться в заячьих хитростях. Становясь с годами более опытными, они становятся и более пешими, вот почему их гон становится ровнее и непрерывнее. Но здесь, в сущности, вопрос не о пешести природной, а возрастной, которую надо конечно отличать. Паратая гончая в годы своего расцвета, от 3—5 лет, всегда будет интереснее пешей. И вот почему.

Под пешей зверь ходит, правда, тихо, но крайне далеко от нее, почему определить на коротком отрезке ее гона его ход и местонахождение не представляется возможным. Чтобы его перехватить, надо дать ему сделать несколько кругов, чтобы, заметив его лазы, встать и наждать его на себя, не считаясь с собакой, которая может в это время гнать за спиной охотника, выправляя петли и другие хитрости зверя. Ход же зверя под паратыми гончими можно определить и скорее и вернее, и повстречаться с ним удастся гораздо раньше, чем при пеших, так как по голосам гончих почти точно определяется местонахождение зверя, идущего обычно спереди гона в каких-нибудь 50—100 шагах. Правильная охота с гончими может быть только с гончими паратыми, особенно если охотятся в незнакомых местах, где лазы зверя заранее неизвестны. Действительно, только при паратости и могут быть наиболее четко выявлены все положительные качества гончей, почему и правила полевой пробы так определяют ее: *«Паратость цениться как достоинство, так как при ее наличности все остальные рабочие качества гончих нагляднее проявляются».*

Но паратость должна идти рука об руку с чутьем. Только при наличии последнего будет иметь значение паратость, так как иначе при малейших заячьих хитростях паратость не поможет, скол будет неизбежен, а из-за его продолжительности заяц сможет отрасти на огромное расстояние. Поэтому, если придется выбирать между бесчутой паратой гончей и чутистой, но пешей, то конечно предпочтение должно быть отдано более чутистой.

Широко распространено мнение, что сгонен зверь может быть только очень паратыми гончими. Это неверно. Паратыми собаками зверь может быть только лишь заловлен. Сгонять, т. е. взять его силой (rag force), осилить, могут только очень вязкие, мастероватые и чутыстые собаки. Вот что по этому поводу пишет К. Баковецкий:

«Многие охотники ставят гончим в вину то обстоятельство, что собаки сганивают зайца в $\frac{3}{4}$ часа. В том, что в такой сравнительно короткий промежуток времени стая в дни хорошего чутья способна сгонять зайца, нет ничего удивительного, и особенной паратости от гончих не требуется. Ведь, как это известно, многим, русак идет всеми ногами только первые 3—4 версты, после такого хода он сильно устает и начинает путаться и западать. Если только стая способна пройти за зайцем первые 3—4 версты без сколов и перемолчек, зверек скоро поубавит свою прыть и обессиленный станет западать, скидываться и вообще путаться. Не дали гончие ему отдохнуть — и зверек до того изнеможет, что хоть руками его бери. Эта азбучная истина непонятна многим и для объяснения ее, по мнению многих охотников, от гончей требуется особенная паратость, при которой гончие ловят зайца как борзые, что свойственно будто бы английской гончей. Когда у нас в стае работала озеровская «Чайка», менее паратая, чем ее товарищи по стае, мы с ней знали, что значит при хорошем чутье и вязкости сгоненный русак. После смерти «Чайки» паратые ее товарищи редко когда сганивали русаков».

В печати часто поднимался вопрос о том, что считать сгоненным зайцем и все ли зайцы, кончающие жизнь в зубах гончих, сгоненные. По этому поводу вполне исчерпывающее объяснение дал Маркевич в своей заметке: «О фоксгаундах» («Наша охота», 1913

г., № 6). Он пишет: «Сгоненный заяц никогда не заставит сколоться собак там, где он запал, так как такой заяц, никогда не делает последней скидки, а как идет, так и сунется в землю, причем вид его в это время удивительно характерный. Он и не думает плотно прижиматься к земле даже на чистом месте, в поле, а просто с хода ложится, вытягивая в струнку все тело, задние ноги назад, в одну прямую с туловищем. Стая доходит и берет его без скола. Если это близко от вас, попробуйте отбить такого зайца у собак, что легко удастся, пока собаки не отдышались. Несмотря на то, что заяц еще теплый, вы ему силой не можете согнуть ног и позвоночника, как будто он уже давно остывший. Весь его вид такой, точно его крепко растянули за задние и за передние ноги и заморозили. Кто два-три раза видел сгоненного зайца, тот без ошибки его узнает, и никаких споров (как это было в Тишковском лесу) по поводу этого не возникает даже и тогда, когда заяц взят не на глазах, так как и здесь есть своя характерная черточка в поведении собак. Собаки не рассыпаются, как на обыкновенном сколе, а, нарвавшись, молкнут около лежащего зайца, группируясь возле. Я не один десяток раз видел подобные картины и на основании личного опыта и рассказов сотоварищей смело заявляю, что все зайцы, взятые при иных условиях, суть заловленные, о которых тоже стоит сказать несколько слов, в особенности в данном случае.

Начать с того, что все давшие заловить себя зайцы, — со странностями, и они делятся на два вида или типа. Первый тип встречается довольно часто; это те зайцы, которые под гончими ходят на коротких кругах, западая по большей части в лесу. Раз запав, такой заяц редко когда подымается; гончие как бы гипнотизируют его, и если одной из гончих удастся наскочить на лежащего сзади, она берет его тут же. Но если это и не удастся по первому разу и заяц вскочит, то, пройдя недалеко, он вновь западет, и по второму, третьему разу — в зубы. Еще интереснее второй тип такого зайца: этот не западает, но на всем ходу под гончими вдруг сядет, высоко вытянувшись на ногах и по большей части на совершенно чистом месте. Стая доходит, вот уже собаки увидели и залились по зрячему. Мгновение — и, кажется, заяц в зубах; но прыжок — и он катит дальше, чтобы через некоторое время сесть опять. Два-три раза сядет — и в зубах».

Что это так, подтверждают нам примеры парфорсной охоты в Англии, где лисица должна быть сгонена приблизительно в 40—50 минут, из чего становится ясно, что дело тут вовсе не в паратости, а в железных ногах, прекрасном сердце и не менее хорошем и верном чутье. Почти все фоксгаунды, которые попадали к нам, как бы в доказательство только что сказанного, были значительно пещее многих русских гончих, однако сганивали зверя именно они, а не более паратые русские.

Говоря о паратости, о быстроте гончей, мы обычно не представляем себе, хотя бы приблизительно, той скорости, с которой гончие преследуют зверя. Сколько я ни задавал вопросов гончатникам о быстроте ходе зверя и гончих, большинство из них не могло мне ответить на эти вопросы, хотя бы даже приблизительно.

Обратимся теперь к беспристрастному языку цифр. Из садочных отчетов мы знаем, что заяц проходит в минуту около 1,5 км и больше. А матерый волк идет быстрее зайца. Известно, что даже борзые не могут приспеть к нему, если только он не наелся.

Интересные данные о быстроте хода гончих во время гона мы находим в отчете о парфорсных охотах бывш. Петербургской кавалерийской школы.

Правильно выдержанные парфорсные собаки могут без затруднения проходить около 20—25 км в 50—60 мин, причем на первых 10 км паратость значительная, в среднем около 1 мин 50 сек. 1 км, затем собаки идут тише, постепенно уменьшая свою паратость. Вот табличка произведенных этой школой парфорсных охот по искусственному следу:

№ охоты	Дистанция	Количество препятствий	Время пробега	
1	3 км 100 м	10	7 мин. 15 сек.	
2	4 300	7	12	30
3	5 50	6	12	46
4	5 40	10	11	16
5	5	11	10	17
6	6 180	14	13	16
7	9 170	11	15	55

В Германии в Ганноверской кавалерийской школе последняя охота по искусственному следу доводится до 20—24 км в 50—58 мин., на строевых лошадях.

Интересно еще привести данные испытаний на скорость, которые были произведены на Московской областной выставке собак о-ва «Московский охотник» 9—11 мая 1931 г.

К сожалению, я имею цифры только трех гончих: «Громилы» Белкова, уже осеннего выжлеца, покрывшего дистанцию в 60 м в 8 сек.; «Будилы» Барышникова, прошедшего это же расстояние в 6,2 сек. и, наконец, смычка англо русских «Звонило» и "Вот-вот» Гугеля, выполнившего это задание в 5,8 сек.

Нестомчивость

Нестомчивость гончей выражается в ее неустойчивости, готовности бодро идти в погоню и преследовать зверя такими же ногами не только к концу дня, но и на второй и даже третий день.

Встречаются гончие, которые подбиваются через несколько часов работы и к полдню уже начинают «лапти плести», по образному выражению охотников. Охота с такими — сущая мука, так как на второй день их чуть ли не самому охотнику приходится на себе тащить из лесу.

Кишенский в своей статье: «Выбор гончих по наружным признакам»¹ («Природа и охота», 1881 г., № 5), перечисляя некоторые наружные признаки гончей, наиболее внушающие доверие к ее полевому досугу, роняет такую фразу: *«Такие гончие неоценимы для настоящего охотника: они способны гонять ежедневно, целую неделю и не сбавлять первоначальной паратости»*.

Это же положение приводит (вполне соглашаясь с Кишенским) и Н. Н. Челищев.

На самом деле это конечно вздор. Никакая гончая, никакая стая не выдержит недельной работы без дневок. Самое большее, что выдерживает гончая, это три дня работы от зари до зари. После этого ей необходимо дать отдых или «дневку», как говорили в старину. Я говорю о трех днях, подразумевая благоприятные осенние условия для гона; само собой разумеется, что при неблагоприятных условиях (сильная жара, тяжелый грунт, гололедица и т. д.) срок этот может значительно сократиться.

Позволю себе по этому поводу привести чрезвычайно интересную выписку из воспоминаний старого охотника и известного писателя Н. Яблонского² («Былые собаки». — «Природа и охота», 1898 г., № 9), в которых он рассказывает, как его отец в ответ на сомнение одного приятеля: прогоняет ли его костромской выжлец «Выплач» по июльской жаре хотя бы 2-3 часа, распорядился на другой день с утра набросить смычок гончих «Выплача» и «Вислу».

«Было около восьми часов, когда «Выплач» поднял лисицу. Лисица попала старая, опытная, не раз уже бывавшая под гоном всей стаи; но в тысячу раз легче ей было спастись от целой стаи в двадцать смычков, чем от этих двух собак.

Чуть не на десять верст задала она первые круги собакам. Жаркий гон шел без перерыва, даже как бы все усиливаясь, и усиливаясь, и чем дальше он продолжался, тем меньше и меньше делались круги гонного зверя. Двадцать раз просилась лисица в забитые

норы и двадцать раз она возвращалась опять к густому берегу Нежданки, нигде не находя себе спасения.

Вот уже десять часов, и одиннадцать, а гон все не умолкает ни на минуту. Жарко невыносимо. Ни на минуту нельзя было приостановиться и отдохнуть лисице. Несколько раз перерезала она кривошеевскую поляну на виду у всей нашей кампании, вываливши язык на сторону, страшно утомленная этой бешеной гоньбой при палящем зное красного лета, — и всякий раз мы видели «Выплача» сейчас же за ней, не далее 10—15 шагов сзади; как на руках носил он ее. «Висла» же далеко плелась позади, зарывая все более и более. Вот лисица еще раз перемахнула поляну, ведя за собой собак. «Выплач» еще ближе позади ее, а «Висла» только доплелась до поляны, да так и шлепнулась на брюхо в дождевую лужу, едва переводя дыхание.

Все начали уговаривать отца не губить дорогую собаку, а позволить убить лисицу, или хотя норы ее велеть отомкнуть и тем прекратить непосильный гон. Но мой отец и слышать ничего не хотел.

Был уже третий час дня, а «Выплач» все еще гонял, не смолкая ни на минуту. Лицо отца начало выражать беспокойство и боязнь потерять любимую собаку.

Но вот еще раз на поляну, шатаясь, с опущенной вниз трубой и вываленным на сторону черным языком, выплелась лисица, а следом за ней и «Выплач». Вот она уже поляну проскакивает; еще 20—30 шагов — и она опять в кустах берега Нежданки...

— Бери ее «Выплач», — закричал отец, вскакивая с места.

Как будто голос отца подбодрил его любимца, как будто силы и энергии ему придал, кажется, все силы сразу напрог он, и, сделав два-три громадных прыжка, у самых кустов покотился через голову, взявши по месту лисицу».

Позывистость и приездка (дрессировка)

Приездкой гончих называется работа человека над природными данными гончих, которая, делает охоту с гончей возможной и приятной. Название «приездка» идет от старых времен, когда стаи гончих употреблялись исключительно в псовой охоте и когда ружейной охоты еще не существовало. В комплектной псовой охоте, состоявшей из свор борзых и гончих (задачей последних было выставить зверя на своры борзых), при стае необходимо было иметь несколько верховых охотников, носивших название «доезжачего» и «выжлятников». Так как для удовлетворения всех требований, предъявлявшихся псовой охотой к стае гончих, непременным условием было наличие верховых лошадей, то нам становится понятным термин «приездка», тесно связанный с лошадей, у ног которой водилась обычно доезжачим

Основными требованиями к гончим были следующие:

1. Течка стаи на смычках или без смычков за лошадей доезжачего. Это требование вытекало непосредственно из условий охоты по волкам, когда было важно бросить гончих на самые логова, или, как в старину говорили, «насадить стаю на гнездо». Для этого надо было подвести стаю к логовам как можно ближе, чтобы с напуска ни одна гончая не отбилась по зайцу, а вести стаю на смычках по лесу через чащу невозможно, да и к тому же позвякивание цепочек при снятии смычков тоже нежелательно.

Поэтому помощники доезжачего — выжлятники строго наказывали арапниками отдирчивых гончих, благодаря этому стая привыкала идти тесным клубком и не смела бросаться даже на случайно выскочившего зверя.

2. Подваливание гончих к гону товарки. Это вызывалось требованием, чтобы стая гоняла кучно, не разбиваясь

Когда до доезжачего или выжлятника доносились первые звуки гона одной или нескольких собак, их очередной задачей было подвалить других собак, как можно скорее к уже гоняющим. Т. е. свалить стаю, для чего выжлятники хлопали арапниками и кричали — «Слушай, к нему. Вались, вались к нему, собачки!». Гончие, замешкавшиеся где-либо в острове или задержавшиеся на жирах, спешили подвалить к гону своих товарищей.

3. Послушание гончих при окриках «стой, гончие, стой», которое было совершенно необходимо, когда стая прорывалась за зверем в поля. Это мешало борзым и грозило срывом всей охоты. Надо было все умение и мастерство доезжачих и выжлятников, чтобы уметь заскакать стаю и остановить ее. Для этого нужна была большая работа над гончими, так как не всегда легко остановить обзартившихся собак. В старое время считалось большим позором «упустить стаю», так как матерый волк уводил ее очень далеко напрямик, и охота в этот день совершенно пропадала.

4. Вежливость к скоту, т. е. гончие не смели бросаться на скотину, хотя бы зверь и проходил сквозь стадо. Правда, к этому не так-то легко было приучить гончих и мы знаем примеры великолепных зверогонов, которых никак нельзя было отучить от этого, и стая, например, Арапова, славившаяся своей изумительной работой, водилась не иначе, как сомкнутая, на смычках, да вдобавок окруженная тесным кольцом выжлятников. При охоте с нею обыкновенно принимались меры к тому, чтобы деревни, в районе которых намечалось производство охоты, в эти дни не выгоняли из деревни скотины.

5. Позывистость, т. е. выход гончих на рог доезжачего. После того как достигались четыре вышеперечисленных требования, позывистость достигалась обычно сама собой и особых усилий не требовала. Правда, в особенно зайчистых местах, если гончие были хорошими работниками и по этому зверю, приходилось тем же выжлятникам подгонять их хлопаньем арапника, крича: «К рогу, вались, гончие, в стаю».

Этими пятью требованиями собственно и ограничивались все претензии самой строгой приездки стаи в псовой охоте. Все остальное носило уже характер лишь известных трюков, которые проделывались доезжачими, чтобы показать свое мастерство, и по существу дела вовсе не было необходимым. Вот что пишет Андрей Ауэрбах в рассказе «Дела давно минувших дней» («Природа и охота», 1886 г.) о гурьевской стае с доезжачим Федором.

«...Федор слез с лошади, разомкнул выбранные им пять смычков гончих, и только мотнул головой выжлятникам, полез в моховое болото, молча грозя арапником на десять разомкнутых красавцев, которые потянулись за ним гуськом, не смея без его разрешения рыскать по сторонам, оставшиеся, которых разомкнули, потягивались, некоторые лизались, другие валялись, но ни одна не взвизгнула, и все имели какой-то серьезный вид».

А вот другой отрывок: *«...Не отошел волк от острова и ста шагов, как на опушку выскочили трое выжлятников, а за ними стали высыпать и гончие. «Стой, стой, собачки, назад в остров!» — начали они сбивать собак, хлопая арапниками, и ни одна из нескольких десятков гончих не прорвалась в поле, несмотря на то, что они могли взять волка наглазок».*

И, наконец, последний отрывок «Старого холостяка» (псевдоним известного псового охотника С. В. Озерова) из его рассказа «1 сентября» («Псовая и ружейная охота», 1897—98 гг.): *«...Доезжачий ввиду лаза проделывает свой обычный для 1 сентября показ вежливости гончих. Вот он разомкнул гончих далеко от острова и послал вперед; сейчас они ввалятся в опушку, но негромкий повелительный крик «стой» остановил всю стаю. «Сюда, гончие!», — и стая весело спешит назад на призыв доезжачего».*

Мы были бы неправы, если бы предположили, что эти выдержки рисуют нам плохих, апатичных работников, без огня, без злобы и жадности. Наоборот, стаи, о которых упоминается в этих отрывках, славились как лучшие по своей работе. Так, ауэрбаховские гончие, потомки павловских «костромичей», легли в основание известной свечинской стаи, которая славилась работой, и о которой остался ряд восторженных отзывов в охотничьей печати. То же следует сказать и об озеровской англо-русской стае.

Таким образом, мы видим, что самые условия псовой охоты продиктовали все пять вышеизложенных требований приездки и совершенно поэтому понятно, что в эту эпоху никто не возражал против них, считая их необходимыми. Но вот с 60-х годов XIX века все больше стала распространяться ружейная охота, которая к концу XIX века стала уже явно вытеснять псовую охоту.

Кишенский, первый теоретик ружейной охоты с гончими, впервые предъявил совершенно новые требования к гончей, исходя из целесообразности ружейной, а не псовой охоты. Он бросил первое обвинение псовым охотникам в том, что они убавили вязкость гончих своим специфическими к ним требованиями.

В настоящее время, когда псовая охота окончательно отошла в область преданий, когда даже ружейная охота со стаями практикуется как редкое исключение, когда большинство охотится с одиночкой или смычком и только в редких случаях с 3—4 собаками, перед нами снова во всей остроте встает прежний вопрос о целесообразности и необходимости, а равно и о границах приездки. Теперь уже в сущности дрессировки, поскольку не только верховых, но и пеших охотников специально при гончих никто теперь не держит. Вопрос этот получает особое значение, так как в расценочной таблице полевой пробы гончих имеются графы «приездка (дрессировка) и позывистость», и судьями предъявляются к выводимым на испытания гончим требования известного послушания.

Итак, нужна ли приездка (дрессировка) и если да, то в какой степени?

По первому пункту остановимся, прежде всего, на положении, высказанном Кишенским. Он, несомненно, прав, что требования псовой охоты убавили вязкость гончих, так как из поколения в поколение проводимое правило, что гончая не должна в полях преследовать зверя, сделало то, что менее азартные гончие стали просто бросать зверя, пошедшего полями, что является совершенно недопустимым при ружейной охоте, особенно по русаку. Ибо это знаменует собой, что зверь будет лишь отогнан от охотника.

Но можно ли и приятно ли охотиться с гончими, не знающими никакой дрессировки? Первое, с чем вы сталкиваетесь в этом случае, это с нежеланием гончей идти за вами, у вашей ноги. Припомните, какое мученье доставляют вам тянущиеся у вас на сворке собаки, бросающиеся из стороны в сторону, цепляющиеся за кусты и деревья, особенно если их несколько, и вы идете лесом. Сколько раз бывает испорчена охота из-за случайно сорвавшейся гончей, когда вы растерянно не знаете что делать: ловить ли сорвавшуюся или бросить остальных, раз уж такой «казус» вышел в местах для охоты, по вашему мнению, совершенно непригодных. И как приятно, когда гончие идут спокойно сзади вас, у ваших ног, самостоятельно на смычках, без всякой сворки, не смея никуда сунуться. Этим сберегается ваша энергия, ваши силы, руки ваши не бывают оттянуты, а следовательно повышается процент удачной стрельбы.

Затем, кто не испытывал на охоте «удовольствия» стоять целыми часами, бесцельно дуя в рог, на который не хотят выходить из леса собаки даже тогда, когда они не гонят, не разбирают следа, а просто шлеются по лесу, не желая выходить к вам. Сколько я знал собак, которые, когда вы уходите из леса, следуют где-нибудь стороной за вами, всячески стараясь вам не попадаться на глаза, и выходят к вам только в виду деревни. Однако этот показатель вязкости, по мнению многих (а, по-моему, отвратительного характера и полного незнания основных требований дрессировки), становится мучителен для вас, если вы хотите куда-нибудь быстро переехать во время охоты.

Непозывистость на рог заставляет вас (если вы действительно любите ваших собак) начинать розыск их по лесу, заставляет вас частенько прихватить ночи, а когда вы связаны поездами, то и потерять целый следующий день. Все это настолько очевидно, что не хотелось бы и говорить об этом, если бы не упорное мнение некоторых гончатников, что непослушание гончей является, мол, доказательством ее вязкости. И то, что такие собаки сплошь да рядом во время работы вовсе не обнаруживают подлинной, единственно необходимой вязкости, охотно бросая после первого же скола зверя и отправляясь на поиски другого (а то и просто начинают болтаться по лесу), нисколько не разубеждает, потому что вязкость охотничьей массой связывается лишь с непозывистостью гончей. В устах массы заявление, что данную собаку не дозовешься, что она привыкла только к вечеру домой возвращаться, есть синоним ее вязкости.

Это — глубокое заблуждение, которое необходимо изжить. *Вязкостью* называется упорство в преследовании зверя, но зверя гонного, желание, во что бы то ни стало раско-

пать его, после того, как он напутал следы и залег или удалил. Только привязчивая работа в поле, а не бесцельное шатанье, будет подлинной вязкостью. Ведь странно было бы оценивать страстность и силу чутья легавой тем, что ее нельзя дозваться из болота или из леса. Ведь для определения того и другого имеются другие способы. Поэтому вязкость гончей ничуть не определяется ее непозывистостью.

Мнение, что послушание гончей, ее позывистость убивают в ней вязкость, — лишено всякого основания. Не убивает же страстность в легавой ее стойка, заставляют же легавую после взлета преодолевать совершенно инстинктивную в ней потребность броситься вслед за улетевшей птицей, когда требуют, чтобы она ложилась после выстрела. Наконец, требование анонса, с точки зрения любителей непозывистости, должно убить в собаке всякую страсть. Здесь все дело в том, что на гончую исстари установился какой-то нелепый взгляд. Этот взгляд на руку охотникам-лентяям, которые не желают даже потратить немного времени на то, чтобы приучить гончих к немудрящим требованиям вежливости. Чаще всего встречался этот взгляд у тех охотников, которые держат гончих на цепи, в конурах, вспоминая о них лишь с наступлением охоты.

Дрессировка гончих нужна. Она может сделать из охоты приятный отдых. Только она может сделать охоту добычливой, а не случайной.

Теперь о другой стороне вопроса. Какие же требования мы можем предъявить к ружейной гончей? Из пяти вышеупомянутых для ружейной охоты не требуется того послушания, когда гончие с гона останавливались хлопаньем арапников и криками. Невозможно, в силу технических особенностей, добиться и того четкого подваливания на гон, которое требовалось в псовой охоте. Здесь приходится вовсе отказаться от собак, не верящих друг другу, привыкших работать отдельно, но и здесь можно добиться воспитанием хороших результатов. Что касается течки за охотником, то здесь как минимум следует требовать привычки ходить, хотя бы на смычках, сзади охотника, без всякой своры. О вежливости к скоту не приходится говорить, так как для ружейной охоты, где нет конных выжлятников, она еще более необходима.

Позывистость в ружейной охоте, так же как и в псовой, непременно должна быть при условии, конечно, что гончая не гонит или не на горячем следу. Однако после длинного, безрезультатного скола, а равно с жировок, она обязана являться на рог.

Свальчивость и ровность ног

Эти два условия работы относятся лишь к смычкам и стаям. Свальчивость совершенно необходима, так как если одна гончая помкнула зверя, а другая не перестает самостоятельно добывать себе другого и не присоединяется к первой, то такие гончие не составляют смычка или стаи, а будут одиночками, явно мешающими друг другу в работе. То же самое, даже в большей степени, касается и ровности ног. Гончие разных ног будут мешать друг другу в работе и во всяком случае не представят собой смычка или стаи.

Вот что по этому поводу пишет Кишенский ¹(¹ «Выбор гончих». — «Природа и Охота», 1881 г., № 6): *«Если стая растянулась незначительно, т. е. куча только вытянулась по следу, — это еще ничего, удовлетворительно, хотя и не отлично. Но если стая растянулась так, что собаки появляются одна за другой через некоторый промежуток, вернее, если стая растянулась на столько, что гончая гончую не видит, то это уже не стая, — это сборище гончих разных ног, которое не имеет права называться стайей».*

Вот почему в графе «ровность ног» должен быть установлен какой-то минимум баллов, как единственно гарантирующий, что испытывается смычок или стая, а не одиночка.

РАЗБОР ОЦЕНОЧНЫХ ТАБЛИЦ

Перейдем теперь к таблицам бывшего Московского о-ва охоты, выработанным для полевой пробы гончих, и посмотрим, какие элементы работы гончей нашли в них отраже-

ние, сколькими баллами они оценены и, наконец, какие изменения таблицы эти претерпели за свое существование.

Чтобы вполне понять и оценить настоящее, необходимо знать прошлое, вот почему я и хочу ознакомить читателя с постепенным развитием построения оценочной таблицы.

Первоначально в 1900 г., как я упоминал, она была выработана исключительно для смычков и имела следующий:

Полаз	Мастерство	Вязкость	Голос	Свальчивость и ровность ног	Паратость	Позывистость	Общий балл
20	20	20	10/5	10	10	5	100

Прежде всего, из таблицы видно, что в основу ее положен тот же принцип столбальной оценки, который уже применялся с успехом на полевых испытаниях легавых как наиболее удобный для пользования благодаря своей кратности пяти по всем графам.

Затем, сличая эту таблицу с теми отдельными элементами работы гончей, которые я перечислял выше, станет ясно, что в таблице МОО отсутствуют следующие графы: 1) добычливость, 2) чутье, 3) злобность, 4) нестомчивость и 5) приездка.

Добычливость входила в понятие полаза, давая судьям слишком большой простор для своей оценки. *Чутье* распределялось между графами: полаз, мастерство и вязкость, признавая его за необходимое рабочее качество гончей, комиссия, выработавшая эту оценочную таблицу, очевидно, не решилась выделить его в отдельную графу, боясь затруднительности при его определении. *Злобности* в таблицах МОО и не могло быть, ибо испытания устраивались только по зайцу (предпочтительно по беляку), причем работа по русаку не принималась даже во внимание. Что касается *нестомчивости*, то и она во время пробы определена быть не может, так как время, положенное на испытание каждой отдельной единицы (смычка или стаи), ограничено обычно несколькими часами, а для определения нестомчивости необходимо каждую единицу испытывать в течение хотя бы двух полных охотничьих дней от зари до зари. *Приездка* мне кажется, оттого не входила в оценку судей, что в то время все стаи были более или менее хорошо приезжены, а за особо хорошую постановку выдавались доезжачим просто денежные призы при соответствующих дипломах.

Интересно отметить в этой таблице совершенно одинаковую оценку двадцатью баллами трех элементов работы гончей: полаза, мастерства и вязкости.

Когда после опубликования этой таблицы стали раздаваться голоса за то, что следует испытывать не только смычки, но и стаи, общество охотно пошло навстречу этой критике и уже в 1901 г. переработало свои правила в части, касающейся оценки собак, дав возможность и владельцам стай показать свой материал.

Для этого бывшее Московское о-во охоты выработало две таблицы.

Таблица 1 (для смычков)

Полаз	Мастерство	Вязкость	Голос	Свальчивость и ровность ног	Паратость	Позывистость	Общий балл
10	30	20	10/5	10	10	5	100

Таблица 2 (для стай)

Полаз	Мастерство	Вязкость	Голос	Свальчи- вость и ровность ног	Паратость	Позывистость	Общий балл
5	30	20	10/5	15	10	5	100

Из сопоставления этих таблиц с прежней мы сразу убеждаемся, что общество не только допустило к испытанию стаи, но и попыталось еще раз взвесить свою оценку отдельных элементов работы гончей. Так, оно прибавило во второй таблице (для стай) 5 баллов в графе «свальчивость и ровность ног», чтобы оттенить значимость для стаи именно этой графы, оставив полазу вместо прежних 20 баллов 10 для смычков и всего 5 для стай. Зато мастерство стало составлять вместо 20 баллов целых 30.

Очевидно, сама практика подсказала, что нельзя оценивать равномерно полаз и мастерство. Интересно отметить, что к этой таблице в 1902 г. было прибавлено примечание, в котором оговаривалось, что стая или смычок, получившие в графе «свальчивость и ровность ног» меньше 5 баллов, не дипломируются, хотя бы общая сумма баллов и составляла более 60.

Наконец, в 1911 г. в судейском отчете о 6-й полевой пробе гончих мы читаем: «Вообще следует, по мнению судей, изменить балловую систему следующим образом: полаз вместо 5 — 15, голос вместо 10 — 5, позывистость вместо 10 — 5»¹ (Очевидная ошибка, т. к. позывистость имела всего 5 баллов). Очевидно, считаясь с этим, общество еще раз (в 1913 г.) внесло новые изменения в свои таблицы, которые стали с этого времени выглядеть следующим образом:

Таблица 1 (для смычков)

Полаз	Мастерство	Вязкость	Голос	Сваль- чивость	Ровность ног	Пара- тость	Позыви- стость	Общий балл
12	25	20	10/5	5	10	10	3	100

Таблица 2 (для стай)

Полаз	Мастерство	Вязкость	Голос	Сваль- чивость	Ровность ног	Пара- тость	Позыви- стость	Общий балл
10	25	20	10/5	7	10	10	3	100

Здесь мы видим опять желание оценить более значительными баллами полаз и уменьшить балл за мастерство и позывистость. Одновременно с этим из одной графы «свальчивость и ровность ног» появляются две самостоятельные.

Сопоставляя все эти таблицы, мы видим, что оценка некоторых элементов работы совершенно стабильна. И вязкость, и голос, и паратость сохраняют во всех таблицах одно и то же цифровое выражение. Наоборот, полаз и мастерство все время вызывают сильные колебания. Эти колебания станут для нас понятными, если мы примем во внимание, что добычливость и чутье, не имеющие самостоятельных оценок, входят как раз в другие графы, вызывая увеличение той или иной из них, в зависимости от того, куда переключает

эти отсутствующие элементы та или другая комиссия, или в какой графе угодно их видеть судейской коллегии. Так, в таблице, где полаз оценен 20 баллами, добычливость и чутье как бы входят негласно в понятие полаз, а во второй, где полазу отведено всего 10 баллов (для смычков) и 5 (для стай), а мастерству — 30, они входят в мастерство, чем и объясняется рост цифрового показателя графы под наименованием, «мастерство».

Таким образом, нам становится очевидным, что в дальнейшем необходимо было (чтобы прекратить эти колебания) ввести добычливость и чутье в виде самостоятельных граф. Поэтому надо считать вполне логичным и закономерным решение кинологического съезда 1925 г., утвердившего эти графы в своей новой оценочной таблице.

Поскольку мы выделяем добычливость и чутье в самостоятельную графу, естественным становится уменьшение суммы баллов в графе «полаз», которая тесно соприкасается с добычливостью, в графе «мастерство», которая также тесно связана с чутьем. С другой стороны, поскольку вязкость мы строго вводим в границы, совершенно сознательно суживая это слишком расплывчатое понятие, утвердившееся за ней в общежитии, нам становится понятным уменьшение суммы баллов и в этой графе, за счет которой выкроено 5 баллов для вновь создаваемой «приездки», необходимость которой доказана мною выше.

Остается добавить следующее. Из рассмотренных таблиц ясно видно, что в прежнее время испытания гончих проводились лишь для смычков и стай. Однако сейчас, когда гончая собака стала достоянием широкой охотничьей массы, когда она находится главным образом в руках охотников рабочих и крестьян, вполне законен вопрос о своевременности устройства испытаний не только для смычков и стай, а и для одиночек. К этому же неизбежно приводит и идея выявления лучших полевых производителей, так как работа в смычке, не говоря уже о стае, часто не дает судьям возможности уверенно сказать, какая из испытываемых совместно собак является верным полевым работником, а какая служит лишь подголоском.

Учитывая это, товарищество «Московский охотник», проведя свою первую пробу в 1926 г. еще на старых основаниях исключительно для смычков и стай, уже на следующий год организовало первую в СССР пробу для одиночек, показавшую полную возможность проведения таких проб для одиночек и громадный интерес к ним со стороны широкой охотничьей массы.

Принимая во внимание все сказанное, расценочная таблица, утвержденная кинологическим съездом, выглядит следующим образом.

Таблица 1 (для одиночек).

По- лаз	Добы- чли- вость	Масте- рство	Чутье	Вяз- кость	Голос	Сва- льчи- вость	Ров- ность ног	Пара- тость	Позы- вис- тость	Прие- здка	Общий балл
15	5	20	10	15	10/5	--	--	10	5	5	100

Таблица 2 (для смычков, стоек и стай)

По- лаз	Добы- чли- вость	Масте- рство	Чутье	Вяз- кость	Голос	Сва- льчи- вость	Ров- ность ног	Пара- тость	Позы- вис- тость	Прие- здка	Общий балл
10	5	15	10	10	10/5	5	10	10	5	5	100

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПЫТАНИЙ

Уже одно сухое перечисление вышеупомянутых слагаемых работы выдвигает достаточно рельефно основной вопрос о том, по какому зверю следует испытывать гончих. Если мы обратимся к нашей охотничьей литературе, то увидим, что и там он занимает центральное место в полемике о полевых испытаниях гончих. В то время как некоторые говорят, что надо испытывать гончих по зайцу и даже только по беляку, следуя в этом за Кишенским, по выражению которого *«матерый беляк — пробный камень для гончих»*. Другие настаивают на том, что проба должна производиться по русаку. Третьи же требуют испытаний по красному зверю: лисице или волку.

Вопрос этот чрезвычайно интересен и серьезен. С одной стороны конечно совершенно нежелательно устройством испытаний только по зайцу поощрять гончих, работающих исключительно по зайцу и игнорирующих лису, а от присутствия в лесу волков, поджимающих гоны, так как злоба в гончих — неоспоримое достоинство, и только такие гончие имеют право на название рабочих собак. С другой стороны устройство испытаний только по красному, являясь односторонним, не может удовлетворить охотничью массу по той простой причине, что более 90% битого из-под гончих зверя составляют как раз зайцы.

Предложения некоторых охотников обставить испытания так, чтобы можно было сразу испытать собак и на том, и на другом звере; и, таким образом, выяснить: красногону ли испытываемые гончие (т. е. предпочитают ли они лису и волка зайцу) — технически совершенно невыполнимы. И потому совет Эмке окружить остров, в котором будут происходить испытания, людьми, которые бы отпугивали обратно в остров прорывающихся лисиц, неприемлем. Очевидно, надо признать, что как лесные испытания для легавых нельзя одновременно соединить с болотными, так и для гончих в будущем придется устраивать два рода испытаний: *одни — по зайцу, другие — по красному зверю*. Ввиду того, что едва ли можно устроить вторые по вольному зверю (за невозможностью гарантировать достаточное его количество и трудностью удержать его в той же местности после гона первых испытываемых гончих), мне представляется, что эти испытания должны происходить по подсаженному зверю. Очень полезно было бы при вторых испытаниях сажать волка гончим, т. е. устраивать нечто вроде садки, как это практикуется для борзых, в целях выяснения злобности отдельных экземпляров.

Устройство таких испытаний ввиду значительных затрат в ближайшее время не представляется возможным, особенно в широком масштабе. В лучшем случае они будут по силам лишь такой мощной организации как Всекохотсоюз, почему и говорить о них пока преждевременно. Поскольку в настоящее время приходится ограничиваться испытаниями по зайцу, так как найти достаточно зайчистые места всегда возможно без особых затрат; перед нами встает во всей широте другой вопрос, о котором тоже немало в свое время писалось.

Это вопрос о том, по беляку или по русаку надо устраивать полевые испытания гончих?

Кишенский говорит, что матерый беляк является пробным камнем для гончих. К нему присоединяется и Эмке, который пишет: *«но мерило чутья и мастерства у гончей не красный зверь, а матерой беляк»*. И в другом месте: *«Только матерой беляк способен устраивать гончим такие заковырки, что любо-дорого. И если гончая в этих заковырках разбирается быстро, свободно и верно, то такая работа — высокого класса и ценится, как какой бы породе гончая ни принадлежала»*¹ (¹«Крушило». - «Наша охота», 1915 г., № 9)

Этого же мнения держится и Пильц. Он пишет. *«Привыкшие к русаку, а в особенности к красному зверю, на больших кругах носят гончие около места скола, и немало времени пройдет пока какая-нибудь из собак раскопает, чуть ли не на самом гонном следу запавшего беляка. Зато наука эта для гончих хорошая, ни по какому другому зверю не вырабатывается так мастерство, как по беляку. Неправы те южные охотники, кото-*

рые думают, что душишь «белячишек» суций вздор»² («На родине. Рассказ». — «Наша охота», 1915 г, № 3.).

Однако многие охотники считают, что гон по русаку гораздо труднее, чем по беляку. Их доводы по этому поводу, в сущности, изложены в одной заметке Селюгина, из которой я и позволю себе привести выдержку: *«Особого чутья для работы в острове или отъеме, т. е. вообще в местности, почва которой покрыта растительностью, и где не так сильно сносится ветром запах следа, не требуется. У нас, где русак и беляк, так сказать, живут бок о бок, почти каждую охоту приходится гонять и тех, и других. Гон по русаку у нас намного труднее только потому, что русак ходит больше по другой почве и по месту другого характера, чем беляк. В сухую ветреную погоду это особенно ярко заметно. Уда-левшего полями, часто только что вспаханнкими, или дорогой русака труднее справиться собакам, чем удалевшего по лесным покосам, моховому болоту или даже бору беляка. В большинстве случаев у нас скол по беляку упалому, а по русаку удалелому. После первого-второго круга и русак, и беляк стараются уйти подальше от гончих и запасть... В большинстве случаев русак и западает на месте плохого чутья — на оралке, на поляне, у самой дороги; а беляк делает то же на месте, для чутья более легком. И выходит, что в нашей местности и гнать и дойти удалелого и справиться упалого беляка гончим неснос-ливым (т.е. непроносливым — О.Е.) несравненно легче, чем русака, и чутья для этого мо-жет быть и немного».*

По кому же следует, в самом деле, испытывать: по беляку или по русаку?

Считая, что для работы по беляку требуется больше опытности и мастерства, а по русаку — чутья и вязкости, я позволил бы себе разрешить этот опор до некоторой степени компромиссным решением: выбором местности с таким расчетом, чтобы в ней можно бы-ло иметь в достаточном количестве и того, и другого. Увертки беляка, несомненно, дадут много материала для выяснения работы, но нельзя не признать, что и русачок с его огром-ным кругом, дорогами, рубежами и полями немало поможет выяснить вязкость и чутье испытываемых собак. В случае преобладания русака, я все же предпочел бы эту мест-ность, так как беляк может быть и подсаженным, если только заранее наметить места ис-пытаний и заняться этим делом. Беляк гораздо легче приживается, чем русак. Теперь о месте испытаний.

Выбору места я придаю огромное значение. До сих пор никто по этому поводу ни-чего не говорил, хотя место играет очень значительную роль для успешности полевых ис-пытаний. В самом деле, первое необходимое условие правильного их проведения — это конные судьи. Судье необходимо как можно больше наблюдать работу собак, видеть их в полазе, во время помычки, особенно же во время перемолчек, скопа и т. д. Для этого не-обходима лошадь. Однако возможность широко использовать таковую, несомненно, будет находиться в прямой зависимости от местности.

Вот почему сплошные, уймистые места я нахожу мало подходящими и считаю наиболее пригодными отдельные островные места, с пересекающими их полями. Однако острова эти не должны быть чересчур маленькими, чтобы зверь мог в них задерживаться, а не сразу же выставляться в поля. Лучше всего, если можно найти достаточно плотные, с хорошим подседом острова от 100 до 200 га, пересеченные дорогами и полями, распо-ложенные в более или менее правильном кругу. Такие места представляют все удобства бы-стро перехватить гончих почти в любом месте, возможность наблюдать работу в разные моменты работы и в разных условиях: и в чаще, и в открытых местах, равно как по беля-ку, так и по русаку.

Однако такие места не всегда удастся выбрать для испытаний: иногда вследствие их отдаленности от того центра, который проводит испытания, иногда же для некоторых более северных районов и из-за отсутствия их. На севере нашего Союза мы вовсе не встречаем, например, русака, и поэтому испытания приходится проводить в таких районах исключительно по беляку. Но в таком случае необходимо иметь массив леса или разбитый широкими просеками на кварталы, удобнее всего полукилометровые, или же хорошо пе-

ресеченные дорогами и луговинами на отдельные части. Только при таких условиях действительно судьи смогут достаточно хорошо наблюдать за работой гончих. Очень важно, чтобы массив леса представлял самые разнообразные места: крупный лес, чередующийся с мелочами, сечами, луговинами, покосами и т. п., так как именно в таких местах больше всего шансов встретить беляка, и лучше всего и полнее обрисуется работа собак, так как она будет протекать в самых различных условиях, всегда могущих встретиться на охоте.

При устройстве полевой пробы гончих товариществам вообще организациям, берущим на себя ее проведение, следует обратить внимание, чтобы место испытаний по возможности лежало близ станций железных дорог, и, во всяком случае, не дальше 100-километрового радиуса от города. Далекая поездка, сопряженная с большими затратами, обычно сильно пугает экспонентов, и этим объясняется по большей части малая запись участников.

Организация, желающая провести полевую пробу гончих должна, прежде всего, подыскать подходящие, достаточно пересеченные места, изобилующие зайцем. Особенно важно быть уверенным в наличии зайцев, так как иначе проба принимает затяжной характер, и собаки снимаются без расценки, как ненашедшие зверя. Поэтому организаторам пробы необходимо, не полагаясь на разные рассказы, что зайцев там «до пропасти», самим обследовать эти места с гончими. Это важно и для того, чтобы распорядитель полевой пробы, который обычно руководит всем ходом испытаний, приводом и отводом собак, их набросом, движением в известном направлении, был знаком хорошо с местностью и местопребыванием зайцев. Сколько раз приходилось на испытаниях путаться по совершенно пустым, вовсе неподходящим местностям, не зная, что рядом находятся прекрасные сечи с густым подсадом, мелкий осинник, словом, излюбленные места беляков.

Знание местности позволяет распорядителю экономно использовать время, отведенное для испытаний, дает уверенность всем его распоряжениям и ставит судей в наиболее выгодные условия.

Устраивая пробу гончих, организация должна предоставить на время судейства для судей хотя бы одну верховую лошадь, так как пешком судье невозможно бывает поспеть за гончими, если они повели напрямик, не так скоро удастся перехватить зверя и вообще гораздо труднее следить за работой испытываемых собак. Эта же цель — как можно лучше и полнее наблюдать работу гончих — приводит к тому, что судейская коллегия на пробе должна состоять из трех лиц.

Правила пробы, утвержденные кинологическим съездом, я прилагаю ниже, а здесь хочу подчеркнуть один из параграфов этих правил, к которому следует отнестись особенно внимательно, так как из-за несоблюдения его часто бывает целый ряд неприятностей.

Согласно § 30, беспородные собаки на пробу не допускаются. Поэтому организационный комитет пробы гончих или сам должен отказать в записи, если он знает, что собака беспородна, или должен предупредить, что судейская коллегия может не допустить собак к пробе, если таковые окажутся беспородными (причем в этом случае деньги за запись не возвращаются).

Остается еще сказать несколько слов о времени устройства испытаний Московское о-во охоты указывало в своих правилах время с 23 октября по 14 ноября (нового стиля). Этот промежуток времени естественно наметился благодаря двум основным пожеланиям: не устраивать испытаний во время листопада и по белой тропе. Однако практика доказала, что назначение пробы в конце октября и первой половине ноября совершенно не может гарантировать чернотропа. А с другой стороны подбором подходящего места всегда можно в значительной степени ослабить неблагоприятные условия листопада. Поэтому пробу следует устраивать обычно между 1 октября и 1 ноября (нового стиля), когда снег, если и выпадает, обычно сходит и зима еще не становится.

Недопустимость испытаний по белой тропе, как дающей возможность гончим работать наглазок и мешающей работать стае, настолько очевидна, что никакого спора вокруг этого быть не может.

ПРАВИЛА ПОЛЕВОЙ ПРОБЫ ГОНЧИХ.

(Утверждены всесоюзным съездом кинологов 15 декабря 1925 г.).

Цель полевой пробы гончих

§ 1. Полевая проба имеет ближайшей целью выяснение рабочих качеств гончих собак и вообще выявление установленных и устойчивых понятий о полевом досуге гончих.

§ 2. Избранные судьи расценивают и отмечают рабочие качества подвергаемых пробе гончих собак и владельцам лучших из них присуждают общественные и другие призы согласно тому, как это указано в настоящих правилах.

Время и место полевой пробы и общие положения

§ 3. Время для пробы назначается в период между 1 октября и 15 ноября (нового стиля) и пробы производятся исключительно по чернотропу.

Примечание. Белой тропой признается, если снег покрывает землю повсеместно настолько, что ясно виден на нем след.

§ 4. О днях и месте, назначенных для пробы, оповещается по возможности не позднее, как за две недели до начала пробы.

§ 5. На пробу допускаются гончие всех пород, достигшие к моменту пробы 10 месяцев.

§ 6. Полевая проба гончих на испытании делится на 3 группы.

Группа А. Испытание одиночек.

Группа В. Испытание гончих в смычках.

Группа С. Испытание в стайках (3—5 собак) и в стаях (от 6 собак) при произвольном составе в отношении числа выжлецов и выжловок.

Смычки, стайки и стаи должны состоять из однопородных гончих. Смычком признается пара гончих без различия их пола.

При записи собак на испытание владельцем должно быть указано, в которую из групп записываются собаки.

§ 7. Расценка гончих производится по работе их, преимущественно по зайцу, хотя и работа по красному зверю принимается во внимание. Однако гончие расцененными исключительно по красному быть не могут.

Состав, права и обязанности распорядительного комитета

§ 8. Распорядительный комитет состоит из распорядителя, кандидата и секретаря.

§ 9. К обязанностям распорядительного комитета относятся работы по приисканию места для пробы и по своевременной публикации относительно: а) назначенных дней и места полевой пробы; б) имен судей и в) вообще всех постановлений, относящихся до полевой пробы текущего года.

§ 10. По желанию владельцев собак организация, устраивающая пробу, может принимать на себя и хлопоты по приисканию помещения для испытуемых собак, что должно быть заявлено заблаговременно.

§ 11. Во время самых испытаний распорядитель обязан следить за общим порядком и заботиться, чтобы собаки были к началу каждой пробы на назначенном месте и в указанное время.

§ 12. В случае нарушения кем-либо из присутствующих установленного порядка и требований распорядителя или судей, распорядитель имеет право лишить собак, принадлежащих лицу, нарушившему порядок, участия в пробе.

§ 13. В случае отсутствия распорядителя его обязанности исполняются кандидатом.

§ 14. На обязанности секретаря лежит прием подписных денег, выдача квитанций в их получении и ведение книги, в которую вносятся: **а)** имя, отчество, фамилия и адрес владельца собак; **б)** порода, происхождение, кличка, пол, возраст и масть собак; **в)** бывали ли они на выставках или испытаниях, хотя бы от имени других владельцев, получали ли награды и какие именно; **г)** записаны ли в какую родословную книгу (и их номер в этом случае).

§ 15. Распорядитель и кандидат его не могут состоять судьями на пробе. Секретарь может исполнять обязанности судьи, если избран на эту должность.

Правила и обязанности судей

§ 16. Судейская коллегия состоит из трех лиц.

§ 17. Для испытания каждого года избираются в судьи три лица и один или несколько кандидатов к ним.

§ 18. Лица, избранные в судьи и принявшие на себя эту обязанность, не имеют права судить своих собак. В случае участия на пробе собак, принадлежащих судье, судья замещается при их пробе кандидатом.

§ 19. Расценка работы собак на пробе производится каждым из судей отдельно, причем судья руководствуется личными впечатлениями и выставляет баллы, согласно утвержденной оценочной таблице.

§ 20. Продолжительность пробы каждой отдельной одиночки, смычка или стаи зависит всецело от усмотрения судей.

§ 21. По окончании пробы, по возможности до отъезда из сборного пункта, судьи сверяют свои впечатления, выводят общие баллы и составляют краткий протокол с обозначением результатов своей экспертизы и прочитывают его в присутствии распорядительного комитета, участников испытаний и зрителей. В возможно непродолжительном времени составляется судьями подробный и мотивированный отчет о пробе, который представляется организации, устроившей пробу. Последняя озабочивается напечатать его в одном из охотничьих изданий.

§ 22. Все решения судейской коллегии безапелляционны.

Порядок записи гончих на пробу и порядок самой пробы

§ 23. Лицо, желающее представить своих собак на пробу, заявляет о том секретарю комитета возможно ранее, причем доставляет по возможности полные сведения о записываемых собаках, указанные в § 14.

§ 24. При записи владелец вносит секретарю комитета подписную плату с каждой записываемой одиночки, смычка или стаи. Эта подписная плата в случае недоставления записанных собак на пробу обратно не возвращается.

Примечание. Размер подписки объявляется каждый раз отдельно.

§ 25. Срок записи собак на пробу устанавливается каждый раз распорядительным комитетом.

§ 26. Число номеров, записываемых одним владельцем, будь то одиночка, смычок или стайка, не может превышать двух. В случае небольшого количества записанных на пробу единиц, перед началом пробы, на месте, с разрешения распорядительного комитета и судейской коллегии может быть принята дополнительная запись от того же владельца.

§ 27. Жеребьевка очереди пробы записанных одиночек, смычков или стай и распределение их на назначенные дни пробы производятся в присутствии всех желающих владельцев собак или их доверенных. Произведенной жеребьевке составляется протокол.

Примечание. В случае невозможности произвести таковую жеребьевку совместно с владельцами, распорядительный комитет производит ее самостоятельно, результаты же немедленно доводит до сведения участников

§ 28. Обмен жребиев между владельцами разрешается с ведома распорядительного комитета.

§ 29. В назначенный день собаки доставляются в указанный сборный пункт, к назначенному в повестке часу. Все собаки должны быть на смычках, с которых они спускаются только по указанию судей или распорядителя.

§ 30. Все приведенные на пробу собаки осматриваются комитетом и судьями, причем не допускаются на пробу **а)** выжловки в охоте, **б)** больные собаки и **в)** беспородные собаки.

§ 31. Собаки, не приведенные к назначенному дню, могут быть лишены права участия в пробе.

§ 32. Во время проб все прочие, неучаствующие собаки, остаются на месте, указанном распорядителем

§ 33. Владелец собак и состоящие при них лица, а также все присутствующие на пробе лица во всем подчиняются всем требованиям судей и распорядителя.

§ 34. Зверь из-под испытуемых гончих стреляется только по разрешению судей.

§ 35. В распоряжении судей должна находиться верховая лошадь.

§ 36. Гончие снимаются с пробы:

- 1) если будет выяснено, что гончие — скотинники;
- 2) если гончие — пустобрехи.

Оценка собак

§ 37. Рабочие качества гончих оцениваются баллами по прилагаемым при сем оценочным таблицам.

Таблица 1 (для одиночек)

По- лаз	Добы- чли- вость	Масте- рство	Чутье	Вяз- кость	Голос	Сва- льчи- вость	Ров- ность ног	Пара- тость	Позы- вис- тость	Прие- здка	Общий балл
15	5	20	10	15	10/5	--	--	10	5	5	100

Таблица 2 (для смычков, стаяк и стай)

По- лаз	Добы- чли- вость	Масте- рство	Чутье	Вяз- кость	Голос	Сва- льчи- вость	Ров- ность ног	Пара- тость	Позы- вис- тость	Прие- здка	Общий балл
10	5	15	10	10	10/5	5	10	10	5	5	100

§ 38 Полаз гончей (розыск) определяется степенью самостоятельности ее в розыске, упорством розыска и его шириной.

Примечание 1. С целью выяснения полаза собак охотнику, ведущему на пробе собак, не рекомендуется самому обыскивать чащи и крепи, предоставляя гончим разыскивать зверя. Ведущий собака обязан идти по указанию судей, по возможности полянами и вдоль опушек. Редкое порсканье и посвист разрешаются только для указания направления, а не для подъема зайцев. Хлопанье арапником допускается не иначе как с разрешения судей.

Примечание 2. Гончие, не поднявшие в течение 1 часа зверя, снимаются с пробы, и им дается переиспытание лишь в том случае, если по окончании испытания всех записанных единиц останется свободное время

§ 39. Добычливость определяется скоростью и умением найти зверя.

§ 40 Мастерство гончей выражается в ее энергии и искусстве исправления следа после скола, при оценке этого качества принимается в расчет кратковременность и число перемолчек в зависимости от более или менее благоприятного состояния погоды ¹(¹ При сколе более чем на 20 минут для одиночек и 15 минут для смычков и стай гончие снимаются с пробы, как не обнаружившие минимума мастерства. В зависимости от местных условий пробы срок этот по соглашению судей может быть сокращен до половины, о чем участникам объявляется до начала пробы, дабы все собаки находились в равных условиях).

§ 41. Чутье определяется из всей совокупности работы гончих, особенно на открытых местах, дорогах, полях и т. д.

§ 42. Вязкость оценивается упорством в преследовании гончею зверя. Требуется, чтобы гончая ни в каком случае не бросала гонного следа и после скола не возвращалась к охотнику, а разыскивала бы запавшего зайца.

Примечание. Для правильного суждения о вязкости не допускается охотнику подходить к собакам и помогать им при сколе иначе как по требованию судей

§ 43. Голос гончей оценивается по силе, звучности и красоте его, применяясь к породе испытуемых собак, по норме в 10 баллов. Фигурные голоса, троящиеся, с гнусью, с заливом, не составляя обязательного требования, как свойственные отдельным породам, ценятся как качество и оцениваются отдельно 5 баллами.

§ 44. Свальчивость оценивается быстротой, с которой гончие подваливают к собаке, подавшей голос по зверю.

§ 45. В графе «ровность ног» устанавливается абсолютный минимум для смычков и стай 5 баллов, ввиду того, что графа эта имеет особое значение, как единственно гарантирующая, что в работе испытываются не одиночки. Смычки и стаи, получившие в этой графе менее 5 баллов, лишаются всякой награды.

§ 46. Паратость ценится как достоинство, так как при ее наличности все остальные рабочие качества гончих нагляднее проявляются.

§ 47. Позывистость гончих оценивается исключительно в то время, когда собаки не гонят и не справляют утерянного следа.

§ 48. Приездка (дрессировка) гончих определяется в зависимости от того, насколько гончие в руках выводящего их охотника.

§ 49. Добор по красному считается достоинством, по зайцу — не желателен

§ 50. Соответственно достоинству гончих одиночкам, смычкам, стаям и стайкам выдаются дипломы трех степеней

Диплом I степени — при общем минимуме в 80 баллов.

Диплом II степени — при общем минимуме в 70 баллов.

Диплом III степени — при общем минимуме в 60 баллов.

§ 51. Порядок размещения собак и право их на ту или другую награду определяются общей суммой баллов. При равенстве общего балла высшее место занимает собака, получившая высший балл по графа: мастерство, чутье, вязкость и голос.

§ 52. Доезжачим, выжлятникам и вообще ведущим собак могут присуждаться (в зависимости от умелой приездки собак) по постановлению судей дипломы трех степеней. Дипломы I степени присуждаются только на всесоюзных и республиканских пробах, при обязательном условии получения ранее диплома II или III ст.

Независимо от дипломов могут быть присуждаемы денежные и иные ценные награды, если таковые имеются в распоряжении судей.

ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ ДЛЯ ГОНЧИХ

Выставки, проделав огромную работу по отбору наиболее типичного породистого материала и по внедрению в широкие охотничьи массы понятий о стандарте гончей, т. е. ее типичных признаках, прочно вошли в обиход охоткооперации. Очередной задачей является выявление рабочих качеств нашей гончей, чтобы путем отбора хороших полевиков создать кадр испытанных, верных производителей. Это уже осознано охотничьей массой, так как за последние 3—4 года мы видим ряд охотничьих товариществ, которые из года в год проводят полевые пробы гончих. Достаточно указать хотя бы на такие города, как: Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Н.-Новгород, Вологда, Ярославль, Тула, чтобы стало ясно, какое внимание проявлено к гончим со стороны гончатников. Эта широкая сеть полевых проб становится еще более знаменательной, если вспомнить, что в довоенное время было проведено всего лишь 7 проб бывшим. Московским о-вом охоты.

Следует отметить не только все увеличивающуюся сеть испытаний, охватывающую все новые и новые охотничьи товарищества, но и все растущее число участников на них. Действительно, если мы возьмем первую стробу гончих, которую устроило т-во «Московский охотник» в 1926 г., то увидим, что на ней участвовало всего 4 единицы, тогда как на четвертой пробе того же товарищества в 1929 г. чисто /частников возросло до 22.

Но полевые пробы, привлекая к себе все большее число участников, требуют для проведения иногда 4—5 дней, а с расширением числа участников ставят под угрозу вообще возможность их устройства. С другой стороны они страдают еще одним крупным недостатком. При сравнительно не большом количестве зверя, которое обычно обуславливается желанием устройства таких проб возможно ближе к городу, дабы дать возможность участвовать в них наибольшему количеству собак, неминуемо приходится расценивать собаку в течение очень ограниченного времени, что конечно недостаточно для выяснения ее рабочих качеств.

В таких условиях возможен, конечно, ряд случайностей и, что хуже всего, случайное получение дипломов на звание полевого победителя по одной кратковременной работе собакой, которая ни в коем случае не может в дальнейшем считаться верным производителем.

Эти несовершенные стороны полевых испытаний гончих заставляют позаботиться о том, чтобы собаки могли быть испытаны, возможно, длительнее и тщательнее. Это приобретает в настоящее время особо важное значение, так как для пользы дела необходимо проверить выставочных победителей и выявить рабочих собак, чтобы иметь право считать их надежными производителями.

Единственный путь к осуществлению этого приводит к *Испытательной станции гончих*, как в прошлом году к этой же станции пришли любители легавых подружейных собак. По каким же принципам должна быть построена испытательная станция гончих?

Прежде всего, каждая собака должна проработать не менее чем $4-4^{1/2}$ часа, что даст возможность судьям ознакомиться в достаточной степени как с ее поведением, так и с работой по зверю.

Очень важно, чтобы место испытаний было обеспечено зверем и чтобы оно было недалеко от города. Необходим опытный, вполне авторитетный судья, который в качестве председателя судейской коллегии должен быть несменяем во все время испытаний. В качестве третьего судьи должны быть назначаемы на каждый день гончатники, выдвинутые от подсекции любителей гончих, с целью образования новых судейских кадров.

Такая испытательная станция была организована т-вом «Московский охотник» в 1930 г. и открыла свои действия 16 октября в заказнике при с. Кубинка, Наро-фоминского района (60 км от Москвы по Белорусско-Балтийской ж. д.).

За 33 дня существования станции через нее прошло 15 гончих, из которых 6 получили дипломы III степени, а 4 собаки остались нерасцененными, так как не подняли в по-

ложенные им четыре часа зайца. Из пропущенных через станцию 15 гончих — 12 русских и 3 англо-русских. Шесть собак, получивших дипломы, — все русские.

На первое место прошел осенистый выжлец «Громило» И. А. Белкова, хорошо прошли «Жема» П. А. Валова и «Волторка» А. М. Ламанова. Кроме них дипломы получили: «Будило» Г. Т. Барышникова, «Шумило» К. И. Мацке и «Плакун» Я. Т. Барышникова.

В 1931 г. т-во «Московский охотник» снова открыло испытательную станцию в заказнике при дер. Саморядово (в 36 км от ст. Катуар, Савеловской ж. д.). Станция работала с 15 октября по 15 ноября.

На этот раз через станцию прошло 18 собак (14 русских и 4 англо-русских), но дипломы получили только 4 собаки: «Пальма» русская выжловка. Г. Барышникова, получившая 65 баллов, «Выручай» англо-русский выжлец Грязнова при 62 баллах, «Плакун» русский выжлец Я. Барышникова при 61 балле и «Флейта» англо-русская выжловка К. Рубцова при 61 балле. 8 собак осталось без расценки.

ПОЛОЖЕНИЕ О МОСКОВСКОЙ ИСПЫТАТЕЛЬНОЙ СТАНЦИИ ГОНЧИХ СОБАК

1. Для предоставления возможности испытывать собак впредь до получения судьями полной уверенности в выяснении ими действительных полевых качеств данной собаки и для облегчения московскому охотнику возможности испытать свою собаку товариществом «Московский охотник и рыболов» организуется вблизи Москвы Московская испытательная станция гончих собак, действующая с 15 октября до наступления белой тропы.

2. Председатель судейской коллегии должен изучать все физические особенности места испытания, расположение на нем зверя, особенность его поведения под собакой. И, делаясь этим знанием с другими судьями при руководстве испытанием, ставить собаку по возможности в условия, позволяющие учесть в работе собаки все то, что зависит от особенностей условий места и поведения зверя, а не от качеств самой собаки.

3. При исполнении своей основной задачи (ст. 1) испытательная станция должна

а) накапливать точные данные по производимым ею испытаниям для последующей их разработки и улучшения способов производства испытаний.

б) содействовать образованию нового судейского кадра, путем руководства в лице председателя судейской коллегии судьями-выдвиженцами.

4. Испытание производится судейской коллегией, состоящей из трех лиц. Из них председатель, руководящий ходом испытаний и работой коллегии, является постоянным. Постоянный судья — из числа судей 1—4 категории. Судья — из числа выдвиженцев, выдвигаемых подсекцией товарищества или Всекохотсоюзом для планомерной подготовки кадра судей.

5. Лицам, выдвигаемым в качестве судей подсекцией, секция при помощи коллегии, состоящей из председателя испытательной станции и двух лиц из наиболее квалифицированных судей, признанных таковыми для кинологических центров I степени, производит проверку: удовлетворяет ли выдвиженец следующим требованиям.

а) быть опытным охотником с гончей собакой.

б) хорошо знать правила полевых испытаний кинологического съезда и настоящее положение о Московской испытательной станции.

в) многократно участвовать на обычных полевых испытаниях или на работе испытательной станции.

г) обладать физическими свойствами, необходимыми для судейства на полевых испытаниях.

6. При составлении очереди и назначении дней участия в судейской коллегии секретарь секции кровного собаководства т-ва «МОиР» следит за тем, чтобы временный су-

дья не оказался вынужденным судить в числе записанных на этот день собак от его производителей.

7. Выдвиженцу-судье, судившему не менее пяти дней на испытательной станции, председатель судейской коллегии может выдать, если признает наличие для этого соответствующих данных, письменное заключение о проявленных выдвиженцем судейских способностях и знаниях, принимаемых Всекохотсоюзом к учету для составления списков судей на полевых испытаниях.

8. Все трое судей участвуют в коллегии с правом решающего голоса, но распределение технической работы между членами коллегии и направление хода испытаний производится председателем.

9. В целях сохранения зверя и соблюдения порядка, в лес во время испытаний не допускается никто, кроме трех судей, лица ведущего собаку, и не более двух стажеров. Представители охотничьих организаций и отдельные интересующиеся лица могут наблюдать за испытанием только с просек, дорог и вообще находиться в группе, не разбредаясь по различным направлениям. Лица, участвующие в качестве зрителей не имеют права порскать, кричать и вообще нарушать тишину.

10. При записи собак на испытательную станцию должно быть подано письменное заявление с указанием в нем данных согласно правилам полевой пробы гончих, утвержденным кинологическим съездом.

11. Испытательная станция работает в порядке пятидневки. Ввиду того, что испытания могут происходить в разных местах, за два дня или в крайности не позднее, чем накануне дня испытания, до 12 часов, на доске испытательной станции вывешивается наименование места, на котором будет произведено в назначенный день испытание, и время, назначенное для явки записанных собак.

12. Испытания производятся согласно правилам полевой пробы гончих, утвержденным кинологическим съездам с нижеследующими дополнениями и изменениями

13. Испытания не производятся при сильном затяжном дожде, порывистом, сильном ветре и снеге. Решение о том, состоится ли в данный день испытание, выносится председателем судейской коллегии.

14. Испытания производятся по зайцу, как наиболее пригодному для определения чутья, однако с обязательным учетом работы и по лисице, если таковая будет иметь место.

15. На каждый день принимается запись не более двух собак.

16. В случае если бы испытание записанных собак не было закончено в назначенный день, председатель судейской коллегии принимает по соглашению с ведущими собаку и судьями возможные меры к окончанию испытания на следующий день.

17. Продолжительность испытания каждой собаки определяется в соответствии с правилами §§ 1 и 15 сего положения, по усмотрению судей, ограничиваемому нижеследующими правилами (§§ 18—19).

18. Снятие с испытания без расценки может иметь место:

а) во всякое время испытания, если собака выявит себя скотинницей.

б) по истечении не менее 30 минут с начала испытания, если собака не обнаружит никакого полаза или выявит себя пустобрехом.

в) по истечении двух часов с начала испытания, если собака вовсе не поднимет зверя.

19. Для прекращения работы с балловой расценкой необходимо, чтобы собака имела работу не менее, чем по 2 зверям, из которых обязательно хоть одну по зайцу.

Исключение из правила допускается в 2 случаях:

1) если собака в течение часа со времени окончания работы по первому зверю не подняла нового зверя или

2) если с начала испытания собаки прошло не менее 4 часов и если собака работала по одному зверю не менее 1^{1/2} часов, причем на перемолчки и скол ушло не более 15 минут и каждая перемолчка в отдельности была не более 2 минут и каждый скол в отдель-

сти, не более 10 минут. Для прекращения испытания (с балловой расценкой) безусловно, необходимо единогласное решение судей.

20. Лицу, ведущему собаку, предоставляется наибольшая свобода при ведении собаки, поскольку его способ ведения не мешает проявлению и выяснению природных охотничьих свойств собаки, но распоряжение председателя судейской коллегии обязательно для ведущего к исполнению. Однако беспрестанное хлопанье арапником и чрезмерный шум для выпугивания зайцев воспрещается.

21. Собаки испытываются в порядке записи. Собака, пропустившая свою очередь, может быть испытана лишь в порядке новой записи с уплатой нового взноса за испытание.

22. Каждая собака может быть испытываема не более двух раз в сезон, причем во второй раз не менее чем через две недели после первого испытания и притом лишь в порядке новой записи и очереди, установленной после первого испытания. Записывать собаку сразу на 1-е и 2-е испытания нельзя, исключение может иметь место лишь при малой записи собак.

23. Если собака, приведенная в срок, окажется неиспытанной вследствие причин ст. 13 этого положения или по вине испытательной станции, то правила статей 21 и 23 на нее не распространяются и принимаются возможные меры к скорейшему ее испытанию.

24. Приведший на испытание собаку должен, до привода собаки на испытательную станцию, убедиться в том, что состояние ее здоровья не препятствует испытанию и нахождению ее с другими собаками. Независимо от него судейская коллегия имеет право не допустить собаку на испытания, если признает ее явно больной, а суку — находящейся в пустовке.

25. Перед выходом на работу из дома станции записывается в книгу протоколов испытательной станции:

- 1) число, месяц, час, минуты выхода.
- 2) температура в тени и на солнце, если таковое видно.
- 3) направление ветра и сила его.
- 4) облачность.
- 5) барометрическое давление.
- 6) влажность по гидрометру.
- 7) состояние тропы.

Те же данные отмечаются при возвращении после испытания в дом станции.

Данные первых четырех пунктов по возможности отмечаются в начале и конце работы каждой испытываемой собаки в записных книжках судей. При всех этих записях предполагается пользование точными приборами, каковые будут зависеть от предоставления соответствующих приборов в распоряжение председателя судейской коллегии.

26. Расценка баллами производится при окончании работы данной собаки и затем заносится в общий протокол, в книгу в помещении станции, вместе с подробным описанием хода испытания и работы данной собаки, на основании записей в судейских книжках.

27. Владельцу испытанной или удаленной с испытания собаки выдается выписка о ней из протокольной книги испытательной станции с балловой расценкой, причем собакам, удовлетворяющим требованиям правил полевой пробы гончих, утвержденных кинологическим съездом, выдаются соответствующие свидетельства-дипломы трех степеней, присваивающие им все права полевых победителей.

Как судить на полевых пробах



Н. П. Пахомов обучает экспертов на одном из полевых испытаний 30-х гг.

Чтобы судить на полевой пробе гончих, судья должен не только знать правила этой пробы, но прежде всего быть хорошо знакомым с работой гончей во всех ее деталях, знать, что считается недостатком, что является неоспоримым достоинством. Опытный судья по характеру гона, даже не будучи свидетелем разных заячьих трюков, сумеет расшифровать довольно точно картину поведения зверя и гончих. Мне вспоминается по этому поводу очень интересный случай, когда на 2-й ленинградской пробе гончих я и другой судья были свидетелями того, как скинулся и запал беляк

у нас на глазах, как снеслись гончие, как они долго не смогли справиться, как затем собаки подняли другого и как подошедший значительно позднее и оказавшийся в стороне третий судья В. А. Селюгин рассказал нам о поведении собак так точно и подробно, словно он сам был свидетелем всего происшедшего.

Тот, кто рассчитывает когда-либо судить на полевых пробах, должен заранее на охотах с гончими принять за правило брать с собой небольшую записную книжку, чтобы делать в ней пометки о работе собак, стараясь угадывать те участки работы, которые проходят не на глазах, сверяя затем свои записи с мнениями других участников. Такая привычка даст навык заносить кратко и сжато (но достаточно выпукло) все моменты работы, оттеняя наиболее значительное и показательное.

Обычно именно неумение судей-новичков занести в судейскую книжку в нескольких словах или выражениях яркие показательные моменты работы гончей заставляет их оставлять свои судейские книжки пустыми или, наоборот, заполнять их такими пустяками, среди которых теряется общая картина работы собаки.

Каждый судья, особенно тот, на которого после будет возложено составление отчета, обязан в своей книжке отметить, прежде всего, следующие данные перед напуском собаки: 1) кличка собаки; 2) порода и пол; 3) возраст; 4) происхождение; 5) фамилия, имя и отчество владельца; 6) фамилия ведущего.

После этих предварительных сведений начинается запись о работе. Прежде всего должна быть отмечена характеристика места, т. е. сделаны указания: хвойный или лиственный лес; сухое или болотистое место; крупный лес или мелоча с подседом, с травой или чистый; есть ли поруби, сечи и т. д. Это необходимо для того, чтобы эта характеристика сразу вводила читателя в условия работы. Столь же важно дать сведения и о состоянии погоды: сухая или дождливая, ветреная, холодно или жарко и т. д. Необходимо указать, какая стоит тропа: черная, белая, пестрая, и затем ее состояние — сухая, влажная, излишне мокрая, жесткая и т. д.

После этих замечаний, которые могут относиться не только к испытанию одной собаки, но и к целому дню работы, а иногда и всем испытаниям (ибо обо всех наступивших изменениях судья обязан тотчас же упомянуть в своих записях), судья отмечает в своей книжке время напуска собаки и затем время подъема, время работы, перемолчек и сколов

и, наконец, время, когда собака окончила свою работу. Такая запись в последующем дает возможность, в случае расхождений во мнениях с другими судьями, опираться на факты.

По этому поводу я приведу здесь табличку, которую предлагал Эмке, с успехом применявший ее на архангельских испытаниях гончих в 1926 г., и опубликовавший ее затем в журнале «Собаководство и дрессировка» (1927 г., № 16).

№ п/п	Кличка	Время напуска	Подъем зверя	Скол суммарно	Продолжительность работы по одному зверю
1	Угар	11 ч. 25 м.	11 ч. 40 м.	6 м.	44 м.

Таблица эта интересна тем, что отмечает уже те вехи, которыми должен руководствоваться судья в своих записях; однако она страдает неполнотой, так как важно установить количество сколов, а не только сумму времени. Поэтому я предложил бы вести запись следующим образом. Ввиду того, что кличка и другие сведения имеются в начале каждой записи, отметка о времени должна иметь такую форму:

Наброшена и взята на смычок	Продолжительность гона		Перемолчки и сколы	
6 ч. 50 м.	7 ч. 20 м.	5 м.	7 ч. 25 м.	3 м.
8 ч. 01 м.	7 ч. 28 м.	4 м.	7 ч. 32 м.	2 м.
	7 ч. 34 м.	2 м.	7 ч. 36 м.	4 м.
	7 ч. 40 м.	1 м.	7 ч. 41 м.	20 м.
		12 м.		29 м.

В первой графе отмечается начало работы (наброс) гончей и конец ее работы (взятие на смычок). Во второй отмечаются начальные моменты ее гона, т. е. преследования зверя с голосом, а в третьей — начальные моменты перемолчек и сколов.

Вторые колонки цифр во второй и третьей графе получаются путем вычитания и указывают на продолжительность гона и перемолчек.

Таким образом, картина будет чрезвычайно ясной, а будучи дополнена данными, которые будут характеризовать мастерство, чутье, вязкость и т. д., она даст полную характеристику данной собаки.

Это особенно важно в тех случаях, когда на испытания попадает собака, которая способна через огромные промежутки времени на коротке отдавать голос в течение хотя бы нескольких часов, а владелец и другие любители в восторге от такой «вязкой» собачки.

Суммируя продолжительность гона, и перемолчек и сколов, мы получаем в таких случаях столь очевидно безотрадную картину, которая прекращает всякие дальнейшие разговоры, как владельцев собак, так и других охотников.

В своей книге «Полевые испытания легавых собак» Гернгросс уже писал о том, что судейская книжка должна быть такого размера, чтобы могла свободно помещаться в наружном боковом кармане, должна иметь клеенчатую крышку, защищающую от дождя; наконец записи в книжке должны быть делаемые простым карандашом, а не чернильным, который от дождя расплывается, и сделанные им записи могут стать совершенно не читаемыми.

Претендовать сейчас на изготовление печатных судейских книжек трудно. Однако следует ставить два неперемennых условия: 1) чтобы книжка была одета или в клеенку, или в твердую папку (последнее хуже, так как папка ломается, намокает и т. д.); и 2) что-

бы на каждой правой или левой странице была вписана или наклеена оценочная таблица смычков и одиночек, причем удобнее всего ее построить так:

	По- лаз	До- быч- ливо- сть	Мас- тер- ство	Чу- тье	Вязк- ость	Го- лос	Сва- льчи- вость	Ров- ность ног	Пара- тость	Позы- вис- тость	Прие- здка	Общий бал
Один- очки	15	5	20	10	15	10/5	--	--	10	5	5	100
Смыч- ки и стаи	10	5	15	10	10	10/5	5	10	10	5	5	100

Прежде чем начинать испытания, необходимо рассчитать, сколько собак записано на них, чтобы из этого числа определить количество собак, подлежащих испытанию в день. Следует твердо помнить, что больше пяти единиц в среднезайчистых местах и семи — в очень зайчистых испытать не удастся, и что этой нормы следует приблизительно придерживаться. Отнюдь не следует во имя проведения пробы обязательно в положенные дни, комкать всю пробу, — лучше просто оставить известное количество собак, не подвергая их испытанию.

Очень важно построить пробы так, чтобы в первые дни испытывались одиночки, затем смычки и в последнюю очередь стаи. Это вызывается тем, что работа смычка и стаи в смысле добычливости и исправления следа легче, чем работа одиночек, почему на свежих зайцев, по которым еще не гоняли и надо пускать одиночек.

Следует помнить, что осенний день очень короток, почему выходить рекомендует-ся как можно раньше и со светом уже пускать собаку. Только в случаях небольшого коли-чества участников и сильного морозца с утра можно выходить позднее, когда обогреет и распушит, отчего тропа станет мягкой, и условия для гона сделаются более легкими.

Накануне надо условиться с распорядителем пробы о том, какими сигналами будут извещаться очередные собаки о своем вызове на пробу, так как из-за этого часто прихо-дится тратить бездну времени на скучное ожидание их подачи к нужному месту. Лучше всего иметь при себе для такой связи кого-либо из местных жителей, хорошо знакомых с местностью. Во всяком случае, все присутствующие должны строго держаться заранее намеченного направления и быть вместе, чтобы посланный или сам распорядитель всегда знал, где найти того или другого участника. Абсолютно недопустимо подравнивание под чужой гон кого-либо из присутствующих на пробе, так как это мешает судьям наблюдать работу собак, отпугивает зверя и т. д.

Правильнее всего будет, если все участники (кроме того, чья собака испытывается) ходят просеками, дорогами, отнюдь не залезая в лес без той крайней необходимости, ко-гда распорядителю приходится в целях сокращения пути вести их целиком.

Оставшиеся в группе участники, находясь иногда неподалеку от гона, должны вес-ти себя тихо, не заниматься громкими разговорами и внимательно следить за своими со-баками, чтобы они не сорвались с поводка или смычка.

При напуске собаки следует, прежде всего, ознакомиться с ее выдержкой, т. е. при-ездкой, и если это одиночка, то посмотреть, не рвется ли она на сворке, таща своего вла-дельца, может ли она идти у ноги, стоять по приказанию, и по окрику или свистку пойти в полаз. Если испытывается смычок или стая, то необходимо проверить: идут ли они сзади без всякой сворки; умеют ли стоять под островом; можно ли провести без сворки не толь-ко дорогой, просекой, но и по самому лесу, чащей и т. д.

Идеальной будет считаться такая приездка, которая позволит провести стаю совсем без смычков по лесу, заставит ее стоять, и только после свистка собаки рассыплются в по-лаз. Обыкновенно полагается, что в час гончая должна поднять зверя. Собака, не нашед-

шая в это время зверя, снимается с пробы. Этот час может быть или слишком даже льготным в местах зайчистых; или, наоборот, недостаточным в местах бедных зверем. В последнем случае (по соглашению между судьями) может быть дан еще один час, повторный для полаза, с неперменным условием, чтобы его получили все собаки, не поднявшие зверя в первый час.

Очень часто раздаются голоса, что весьма трудно и даже невозможно определить добычливость гончей. Однако на пробе к тому имеется ряд возможностей. Заяц, особенно беляк, всегда держится определенного места, и раз найдя его, можно почти безошибочно находить его почти в том же месте и в другие дни. Я прекрасно помню, как у меня около дома жил русак, который всегда ложился в определенных кустах, на одном гектаре земли, и ходит неизменно одним логом. В любой момент можно было видеть работу стаи по этому «Ваське», как звал его доезжачий, с которым мы берегли зайца, как зеницу ока, постоянно сбивая стаю со следа. Таким образом, набросом в определенном месте, где лежит заяц, или куда слез на глазах шумовой, всегда довольно точно можно определить добычливость собаки. Особенно это становится рельефным, когда после не поднявшей ничего гончей в это же место набрасывается другая, которая через несколько времени и поднимает зверя.

Переходя к оценке работы гончей, надо хорошенько уяснить себе, что такое перемолчка и что такое скол. Перемолчкой называется кратковременное прекращение отдачи голоса гончей, когда она пронеслась, перестала чутять след, но тотчас же вновь справляется. Сколом называется длительное молчание во время потери следа, когда заяц залег, отдалел и гончая принуждена работать кругами, чтобы перехватить след в месте, где запах его лучше сохранился, или же отыскать запавшего зверя.

К сожалению, до сих пор точным временем разница эта не зафиксирована, и непривычка отмечать моменты работы гончей по часам приводит подчас к курьезным ошибкам. Так, например, в книге Челищева «Как выбрать хорошую гончую» автор пишет: *«Во всех указанных выше случаях, когда собака пронесется мимо зверя и теряет, таким образом, с чутья его или его след, она перестает подавать голос. Эти моменты называются «сколами», если собака не находит увалившегося зверя продолжительное время (приблизительно минут 5 и больше), и «перемолчками», если она справляется быстро и начинает вновь подавать голос через минуту, две, три».*

Я неоднократно судил с Челищевым и могу положительно утверждать, что он прекрасно отличает перемолчку от скола, но как только дело коснулось выражения этих моментов временем, благодаря отсутствию практики, он привел совершенно не соответствующие границы для перемолчки, допустив для нее пятиминутный максимум. Дело в том, что перемолчка, в сущности, измеряется секундами, а не минутами, почему в самом крайнем случае можно допустить ее продолжительность не более 1 мин, с этого времени уже начинается скол, который по правилам пробы допускается до 20 мин, после чего собака снимается с пробы, как окончательно стерявшая зверя.

Для определения мастерства, чутья и вязкости судье надо перевидеть несколько раз (чем больше, тем лучше) гонного зверя, так как только таким образом лучше всего выяснятся рабочие качества испытываемых собак. Для этого-то и необходима верховая лошадь, чтобы иметь возможность всегда подравняться под гон.

При определении вышеперечисленных качеств надо помнить, что на работу собак влияют в очень значительной степени погода, состояние тропы, ветер, туман и т. д. Огромную роль играет и возраст зверя. Так, например, крупный заяц ходит, хотя и на больших, но довольно правильных кругах, в то время как маленький белячишко елозит под кустами почти на одном и том же месте, поминутно западая, почему ровного гона и не может быть. Следует отметить, что гон по стронутому кем-либо раньше зайцу всегда хуже, чем по тому, которого подняли собаки самостоятельно.

Голос гончей оценивается главным образом по его силе и звучности, для чего существует числитель дробного обозначения его в расценочной таблице, выражающийся в

10 баллах, а фигурность, как весьма желательная часть голоса (служащая его украшением, но не необходимая), выражается знаменателем в 5 баллов.

Остается еще сказать два слова о подборе голосов. Часто на пробе бывает, что смычок имеет очень яркие, звучные голоса, но совершенно одинакового тембра. Конечно, такой смычок в графе «голос» проиграет другому, у которого голоса каждый в отдельности и хуже, но зато красиво сочетаются, дополняя один другого, как, например, баритон и дискант, или бас и тенор и т. д.

При расценке на это следует обращать внимание, так как сейчас, когда хорошие голоса у гончих являются редкостью, музыкально подобранный смычок — явление, совершенно исключительное. Надо отметить, что голоса могут совершенно иначе звучать от условий местности и погоды. Так в мелком лесу, редочах голоса всегда будут глуше, чем в крупном (особенно хвойном) лесу. В гористой местности голоса тоже будут производить гораздо большее впечатление, чем на ровной, открытой. Особенно плохо и глухо звучат голоса в туманные дни.

Голос гончей, его интенсивность, яркость, частая подача его в отличие от редко-скалости или, наоборот, флегматичность, редкая его отдача, выявляют до некоторой степени того зверя, по которому идет гон. Так, я уже выше писал, как рознятся голоса гончих во время их работы по красному. Голоса помогают сплошь да рядом разобраться — по кому работают гончие, если не удастся перевидеть зверя.

Остается сказать еще о некоторых пороках гончих. Такими являются пустобрехство, добор по зайцу, гон в пята и переченье. Относительно первых двух пороков, связанных с голосовыми данными гончей, часто спрашивают, почему о них ничего не сказано в оценочной таблице и сколько следует сбавлять за них наличие баллов в графе «голос».

Такие вопросы явно свидетельствуют о полном непонимании спрашивающими основных моментов работы гончих. Хотя пустобрехство (т. е. отдача голоса зря, не на следу) и добор (редкая отдача голоса на жировых следах зайца) и выражаются голосовыми средствами, но свидетельствуют о недочетах в других участках ее работы.

Первый порок может быть следствием молодости и некоторой азартности и может со временем исчезнуть. Иногда он объясняется недостатком чутья.

Второй — является следствием недостаточного чутья или вернее недостаточного умения разбираться в улавливаемых запахах, так как опытная гончая никогда не станет отдавать голоса на жировых и простывших заячьих следах, и помкнет только по горячему взбудному следу. Гон в пята, т. е. в обратном направлении хода зверя, говорит об отсутствии чутья и мастерства. Поэтому наличие этих пороков должно найти свое отражение в соответствующих графах расценочной таблицы, а именно в графах мастерство и чутье.

При судействе легавых собак, окончательные баллы и сверку судейских записей, судьи обыкновенно производят тотчас же после окончания работы собаки. Что, же касается, гончих, то здесь приходится поступать совершенно иначе. Дело в том, что сверка впечатлений и окончательное согласование баллов сейчас же после работы данной единицы невозможна ввиду того, что это потребует не менее 20—30 мин., а за весь день выразится в 1—1^{1/2} часах, что при 8—9 часовом рабочем дне совершенно недопустимо.

За умелое ведение собак, за их хорошую приездку и толковое поведение во время работы доезжачим, выжлятникам и вообще ведущим собак могут быть выданы, согласно правилам, дипломы, жетоны, призы и денежные награды.

По окончании пробы судьи отдают свои судейские книжки тому судье, которому поручено составить отчет. Отчет должен быть составлен достаточно подробно, освещая все более важные моменты работы, послан затем составителем на согласование другим судьям и по получении от них согласий, перепечатан в 2—3 экземплярах на пишущей машинке, так как один из них посылается организации, устраивавшей пробу, второй передается во Всекохотсоюз, а третий останется для судьи. Считаю полезным приложить здесь (в качестве образца) отчет I всероссийской пробы гончих, устроенной Всекохотсоюзом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Просматривая результаты проб, проведенных различными организациями, мы видим, что число участников на них, хотя и растет с каждым годом, но растет страшно медленно. Кроме этого нельзя не отметить участие на них главным образом городского охотника и почти полное отсутствие охотника деревни.

Если крестьянина-единоличника, обычно весьма инертного, плохо уясняющего себе всю важность проведения полевых проб, как единственного прочного фундамента создания рабочей собаки, трудно было втянуть в эту общественную работу; то теперь, когда большинство деревень вошло в колхозы и тем самым естественно включилось в общественную работу, охотничья кооперация должна одержать победу и на этом фронте.

Переход к системе приписных охотничьих хозяйств, условия ведения хозяйства в которых строятся на основе планового пользования угодьями и бережного к ним отношения, также является немаловажным фактором в деле поднятия полевых проб на должную высоту.

Широкий рост коллективизации, охватывающей в некоторых районах 100% крестьянского населения, естественно должен во всей широте поставить вопрос и об обобщенном пользовании охотничьей собакой. Мы знаем уже об организации целого ряда промысловых колхозов, правда, на севере в чисто промысловых районах, но сама идея обобщения охотничьей собаки и в первую голову гончей не только приемлема, но и вполне разумна. В самом деле, в большинстве случаев охотник, имеющий у себя гончую охотится с ней не один, а в компании. Наконец, два—три охотника нередко объединяются вместе, и их собаки, привыкают работать достаточно дружно. Однако сложенная таким образом стайка рассыпается часто из-за того, что владелец мастера этой стайки неожиданно продает свою собаку, после чего гон уже долго, а иногда и вовсе не налаживается.

Плохие корма, трудность ухода, желание выручить от выгодной продажи изрядную сумму вынуждают единоличника расставаться с хорошей собакой, нанося тем самым вред всей округе, теряющей в данном экземпляре хорошего работника-учителя и иногда недурного производителя.

Все это не может иметь места при коллективном владении собакой. Кроме того, в условиях коллективного содержания значительно расширяются возможности правильной постановки собаководства, т. к. всегда возможна посылка собаки для вязки в другой район, чего не делал или по неосознанности, или из-за недостатка средств единоличник. Возможность воспитать правильно щенят — тоже несравненно большая при коллективном владении собакой.

Наконец проведение бесед, лекций, организация небольшой библиотечки, выписка журналов — словом, широкое внедрение в массы остальных товарищей правильно организованной охоты и правильного обращения и ухода за собакой, возможны только при коллективизации деревни.

Есть еще один чрезвычайно важный участок работы, где создание коллективных охот с гончими является важной государственной задачей — это борьба с волками. Из статистических данных мы знаем, какие огромные, миллионные убытки наносят стране волки, и, однако, число их год от года уменьшается слишком медленными темпами. Дело в том, что до сего времени наиболее верным, испытанным средством борьбы с волками является псковский способ зимней охоты на них облавой с флажками. Способ этот, требующий для своей успешности белой тропы, оставляет волчьи выводки совершенно вне поля своего внимания в период лета и осени, т. е. в период наиболее интенсивных разбойничьих вылазок волков, в период их наибольшей опасности для стад, т. к. зимой вред, наносимый волками, становится меньшим.

Отсюда совершенно естественно перед нами встает вопрос о том: нельзя ли как-нибудь организовать истребление волчьих выводков ранней осенью, когда они наиболее опасны для стад. Организация осенней охоты со стаей гончих является ответом на этот

вопрос. Что успешность такой охоты может быть вполне достигнута, доказывает нам пример Тульского товарищества, которое в 1927 г. сформировало у себя стаю англо-русских гончих, наняло опытного доезжачего т. Мамкина. Результаты охот с этой стаей настолько ярки и показательны, что я позволю себе их привести.

В 1930 г. из-под стаи взято 28 волков.

В 1931 г. из-под стаи взято 63 волка.

Цифры эти станут особенно убедительными, если мы сравним их с цифрами убитых волков зимой командами по истреблению хищников различных товариществ и организаций. Поэтому организация широкой сети коллективных стай по большим колхозам и совхозам является очередной задачей, охоткооперации, как мера, гарантирующая наибольшую активность в деле борьбы с волками.



Эксперты и участники полевых испытаний. Вторая половина 20-х гг. Сидят (слева направо)

**1. С. П. Садовников; 2. Н. П. Пахомов;
3. Н. Н. Челищев; 4. М. И. Алексеев; 5. Головин**

Приложение I

ОТЧЕТ СУДЕЙ I ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРОБЫ ГОНЧИХ

Первая всероссийская полевая проба гончих, организованная Всекохотсоюзом, была проведена 4—9 ноября 1928 г.

Судьями были приглашены: *М. И. Алексеев* (Минск), *Н. П. Пахомов* (Москва) и *Н. Н. Челищев* (Москва); запасным судьей был *С. П. Садовников*, распорядителем *М. В. Пелишевский*.

Вначале для пробы был намечен заказник Тульского т-ва охотников близ ст. Лаптево, Московско-Курской ж. д., который представлял собою большие удобства, благодаря своему топографическому расположению (наличие островов, просек, дорог и т. п.) и предполагавшемуся обилию зайцев. Однако при обследовании этих угодий перед самой пробой выяснилось, что, несмотря на заверения Тульского т-ва, зайца в них совсем нет, почему эти угодья и не могут быть использованы для пробы. Это обстоятельство создало для

организационного комитета огромное затруднение: пришлось срочно подыскивать новое пригодное место. С задачей этой комитет прекрасно справился, выхлопотав разрешение на устройство пробы в Лосиноостровском лесничестве, находящемся в непосредственной близости с Москвой (пл. «6 верста» по Северной ж. д. или ст. «Белокаменная» Окружной ж. д.).

Места, где происходила проба, следует признать чрезвычайно удобными: вся дача разбита широкими просеками на полукилометровые кварталы и, кроме того, пересечена дорогами и визирками, что давало возможность конным судьям всегда находиться под собаками и наблюдать за их работой. Дача лежит довольно высоко, почему, несмотря на крайне дождливый год, на верховой лошади можно было всюду проехать. Смешанный лес местами с густым подседом и травянистыми сечами и болотцами представлял собой излюбленные места для беляка, а встречавшиеся свежие наглоды осинки ясно подтверждали правильность этого предположения.

Погода стояла все время, за исключением одного дождливого дня (8 ноября), тихая, туманная, сырая, но без дождя Тропа была мягкая; вообще условия для гона вполне благоприятные, если не считать тумана, который всегда невыгодно отражается на голосах гончих. В такие дни их голоса звучат несколько глуховато.

Относительно количества зайцев судьи считают нужным высказать следующее соображение. Если беляка и было вполне достаточно для испытания небольшого количества единиц, то для всероссийской пробы его следует признать все же недостаточным. Правда, заяц лежал очень плотно и, очевидно, собаки иногда его проходили, что явствует из того, что 50% поднятых зайцев падает на долю охотников. Но все же из-за недостаточного количества зайцев приходилось часто набрасывать собак по два и три раза, теряя каждый раз из-за этого по часу. Поэтому судьи хотят отметить, что более зайчистые места для пробы могут значительно сократить время, а при большом количестве участников являются, безусловно, необходимым условием для удачной пробы.

4 ноября. Первой испытывалась стайка русских чепрачных гончих: «Бубен», «Шумило» и «Забавка» И. А. Головина и А. М. Ламанова. Ведет Головин. Брошенные в 8 час. 15 мин. утра в мелком, смешанном лесу, с хорошим подседом и густой травой, гончие долго шли, ничего не поднимая. Наконец, в 8 час. 49 мин. подняли беляка, которого провели со сколами и перемолчками небольшой круг. Заяц на глазах судьи перелез через просеку, но собаки, сколовшись незадолго до этого, справить не могли, и после 20 минут были взяты на смычки. Причем выжлеца «Бубна», бегавшего вокруг владельца и зрителей, удалось поймать с величайшим трудом. Судьи считают уместным отметить здесь, что многие владельцы делают большую ошибку, полагая, что механическое соединение трех или более, хотя бы и гоняющих порознь, собак составляет стайку. В большинстве случаев такие собаки никогда не сваливаются, обычно не верят друг другу и предпочитают работать самостоятельно. Блестящим подтверждением этому была, работа только что описанной стайки Головина и Ламанова, в которой молодой выжлец «Бубен», захватывая переда, мешал, очевидно, другим собакам работать. Особенно рельефно это подтвердилось к вечеру, когда смычок из этой же стайки «Забавка» и «Шумило» прекрасно погнал беляка, и вязко и дружно держал его дотемна, пока не был переловлен с гона. Тоже случилось позже и со стайкой англо-франко-русских гончих Турчака, в которой выжлец не подвалил к гону наманенных на зайца выжловков, добыл самостоятельно лису, бросив которую, в скорости продолжал самостоятельно работать, не обращая внимания на гон выжловков.

Вторым испытывался смычок русских чепрачных гончих «Заливка» Блохина и «Заливка» М. А. Сергеева. Ведут владельцы. Смычок был наброшен в 9 ч 45 мин. в то место, куда перевели беляка собаки Головина и Ламанова. Полаз широкий, на среднем галопце, толковый. Долго идут, не поднимая. В конце квартала в правом углу одна из выжловков в 10 ч. 38 мин. поднимает беляка. К ней долго не подваливает другая. Гон идет все время с перемолчками и продолжительными сколами. Гонит одна выжловка, но как только к ней начинает подваливать ее товарка, так первая бросает гнать. В 11 ч. 10 мин., когда стало

ясно, что дружного гона все равно нельзя ожидать, по заявлению владельцев, смычок был снят.

Третьим номером шел смычок русских чепрачных гончих «Трубач» и «Флейта» Н. П. Пухова, который был наброшен в хорошее, крепкое место в 11 ч. 30 мин. Ведет владелец. Смычок блестяще приезжен, идет сзади у ног владельца, разомкнутый стоит на месте, и лишь после окрика пошел в полаз. Полаз веселый, на галопе, собаки идут не очень далеко от охотника, но и не путаются под ногами. Каждая делает самостоятельное дело. Вскоре, в 11 ч. 42 мин., из-под ног одного из стажеров срывается беляк. Так как зайца немного и решено беречь время, один из судей, находившийся под собаками, наманивает собак на горячий след. Наклик является вскоре «Трубач», который принимает след не сразу, но, захватив, горячо ведет зайца. К нему подваливает выжловка; минутный скол, затем снова, начинается дружный гон. Заяц делает небольшой круг и на глазах судьи проходит через ельничек. Собаки вываливают следом, причем идут довольно дружно, проводят еще с полкруга и молкнут. С этого момента начинается вязкий, но мароватый гон с частыми перемолчками и сколами. Заяц делает большой круг, проходит на глазах охотников через просеку, за ним на значительном расстоянии переваливают собаки. В 12 ч. 43 мин. собаки по распоряжению судей берутся после скола на смычок. Голоса у собак хорошие: звучный баритон у выжлеца и тоненький дискант у выжловки. Оба отдают голоса не скупно, и слушать гон такого смычка приходится в настоящее время не часто.

Четвертым испытывался смычок англо-русских чернопегих гончих «Гаркало» и «Говорушка» Всекохотсоюза. Ведет доезжачий Василий Красов. Смычок брошен в 12 ч. 55 мин. Собаки сначала энергично пошли в полаз, который, однако, нельзя назвать широким, так как собаки идут почти все время на глазах охотника, а выжловка частенько идет следом за выжлецом. Эта же картина полаза подтверждалась и еще два раза при следующих набросах смычка. Несмотря на продолжительное время и лихое порсканье доезжачего, зайца поднять не смогли, почему и были в 2 ч. 15 мин. временно сняты.

Пятым и последним в этот день испытывался смычок русских чепрачных гончих «Шумило» и «Забавка» И. А. Головина и А. М. Ламанова. Ведет Головин. Гончие наброшены в хорошую травянистую сечу в 2 ч. 45 мин. Тут же из-под судьи поднимается беляк. Наманенные на зайца, собаки дружно принимают след и дают два круга с небольшими перемолчками. Заяц два раза переходит через лесную дорогу и скидывается на глазах судьи, который прекрасно видит работу собак. Они идут довольно далеко от зайца, молкнут несколько секунд на дорожке, где заяц скинулся, и затем снова оправляют и ведут дальше. Некоторое время после следующего скола ведет один выжлец, но затем к нему подваливает выжловка, и дружный гон идет, удаляясь по прямой. Заяц делает огромный круг, и поскакавший за собаками, чтобы не опустить их со слуха, судья через некоторое время видит проходящих довольно дружно через поляну собак, которые ведут беляка обратно к месту лежки. Гон с небольшими перемолчками продолжается. Ввиду наступившей темноты и вполне определившейся работы смычка в течение часа, судьи отдают приказание снять собак. Не скоро, однако, удается владельцу отозвать обзартившихся гонцов. Этим заканчивается проба первого дня.

5 ноября. Первым номером следующего дня испытывается смычок русских чепрачных гончих «Запевай» и «Волга» Ленинградского военно-охотничьего общества. Ведет доезжачий т. Угрюмов. Собаки брошены в 8 ч. 10 мин. на то же место, где в первый день началась испытание стайки Головина и Ламанова. Через некоторое время после наброса выжловка стала отдавать голос в добор, но поднять зверя так и не смогла. На вопрос судей о доборе, доезжачий ответил, что собаки вообще по зайцу в добор голосов не отдают, и поэтому возможно предполагать, что выжловка отзывалась по остывшему следу лисицы. Полаз у собак довольно широкий, доезжачий не злоупотребляет порсканьем, предоставляя им работать самостоятельно. В 9 ч. 17 мин. смычок, как не работавший по зверю, временно снят.

Второй в этот день испытывалась стайка англо-франко-русских гончих: «Заливай», «Сорока» и «Тревожка» Турчака. Ведет владелец. Собаки брошены в 9 ч. 32 мин. Полаз не широкий, одна выжловка идет совсем недалеко от ведущего. Долго идут, ничего не поднимая. При переходе из одного квартала в другой, в чаще, из-под судьи поднимается беляк. Собак наманивают. В это же время на глазах другого судьи через просеку тихо слезает шумовая лисица. След возбуженного зайца принимают две выжловки и гонят с перемолчками. Сильно подцветший беляк переходит через просеку, выше того места, где прошла лиса. Собаки идут растянувшись. Переводят через просеку. В это же время выжлец молчком проходит по следу лисы и через некоторое время начинает гнать. Выжловки скоро молкнут. Выжлеца не слышно тоже. Затем выжловки снова добивают зайца, но выжлец к ним не подваливает. Гон выжловки идет неуверенно, с большими перемолчками. Заяц идет от них на столь большом расстоянии, что трудно определить — гонный это или шумовой. Выжлец, прогнавший еще раз лису через просеку, скоро бросает ее, но к выжловкам так и не присоединяется. Так как работа эта вполне подтвердила, что перед судьями находится не стайка, а случайно соединенные собаки, стайка снимается в 11 ч. 25 мин, и остается без расценки, так как пускать ее еще раз владелец не хочет, считая более правильным выступить в дальнейшем со смычком.

Третьим в 11 ч 30 мин. брошен смычок англо-русских гончих Всекохотсоюза, который работал уже вчера. Собаки долго и скучно идут в полазе, ничего не поднимая. В 12 ч. 20 мин. смычок из-за отсутствия зверя временно снимается. Четвертым испытывается смычок англо-русских чернопегих гончих: «Забавляй» и «Патти» Н. И. Тулубьева. Ведет владелец. Смычок брошен в 12 ч. 25 мин. собаки обнаружили не очень широкий полаз, однако у ног не болтаются. В полазе более широко уходит и ведет себя самостоятельнее выжлец. Выжловка неоднократно выходила на просек и стояла, прислушиваясь. В 1 ч. 08 мин. выжлец поднял лису. Выжловка подвалила не сразу, но, подвалив, азартно повела полным голосом, а выжлец, наоборот, бросил и в гону участия больше не принимал. Выжловка вязко держала на больших кругах лису, которую несколько раз видели охотники, стоявшие на просеке. Гон шел с очень небольшими перемолчками, причем выжловка шла не очень далеко от лисы. Ввиду того, что, с одной стороны, согласно правилам расценить собаку исключительно за ее работу по лисе нельзя, а с другой — гнала лису лишь выжловка, в то время как к испытанию предложен был смычок — судьи отдали распоряжение собаку снять, что и было сделано в 1 ч. 55 мин. Так как в дальнейшем владелец от пробы своего смычка отказался, то смычок этот остался нерасцененным.

Пятым и последним в этот день испытывался вновь смычок русских гончих Ленинградского военно-охотничьего о-ва, который был брошен в 2 ч. 11 мин. К сожалению, смычок натек вскоре на лису, которая подалась очевидно сюда после гона выжловки Тулубьева. Собаки захватили зверя дружным, азартным гоном, повели вдоль просеки, причем судье, висевшему на хвосте у собак, удалось несколько раз перевидеть переходящих собак, которые дружно ухо в ухо, хорошими ногами гнали лису. Это был прекрасный гон, почти без перемолчек. Голоса хорошие, звучные, хотя и не фигурные. К сожалению, этим чудным гоном нельзя было закончить испытание смычка, так как согласно правилам надо было дать ему еще работу по зайцу. Стало темнеть, а гон не смолкал. Отдав распоряжение подловить собак, судьи отправились домой, а собак удалось поймать только поздно ночью.

6 ноября. В третий день пробы первой (в 7 ч. 30 мин.) была наброшена русская чепрачная выжловка «Забавка» И. А. Головина и А. М. Ламанова. Ведет Головин. Почти час выжловка шла ничего не поднимая. Полаз очень широкий, но сообразуясь с направлением охотника. В 8 ч. 28 мин. выжловка, наконец, подняла в крепком месте (около подъездной железной дороги) беляка, который тут же перешел через полотно железной дороги. Заяц сделал сначала небольшой круг, два раза на глазах судей переходя просек (причем выжловка шла, как пришитая к следу), а затем закатил большой круг, уведя ее почти со слуха. Выжловка держала очень вязко, хотя и с перемолчками, но затем, когда заяц повер-

нул к лежке, не доходя до полотна железной дороги, скололась и очень долго не могла справиться. Затем, когда уже судьи думали выжловку снять, снова раскопала зайца, но, доведя его приблизительно до места лежки, еще раз скололась, и была в 9 ч. 25 мин. взята на смычок. Выжловка проявила вполне достаточное мастерство, хорошую вязкость и очень неплохой голос с заливом, что теперь является большой редкостью.

Вторым работал русский чепрачный выжлец «Будило» Г. Т. Барышникова. Ведет владелец. Брошен в 9 ч. 58 мин. Выжлец обнаружил хороший полаз и через 15 мин. поднял беляка, которого продержал с небольшими перемолчками 20 мин., после чего скололся, в течение 16 минут не справился и вышел к охотникам.

Третьим был наброшен в 11 ч русский чепрачный выжлец «Шумило» И. А. Головина и А. М. Ламанова. Ведет Головин. Выжлец пошел энергично в полаз, несколько раз отдал голос, очевидно на жирах, но поднять зайца долго не мог, наконец, в 12 ч. 15 мин. погнался. Гнал как-то неровно, с большими перемолчками, но держал очень вязко, хотя заяц и отдалел от него значительно. Голос среднего тембра, но довольно звучный. В 1 ч. 05 мин. был подловлен на следу.

Четвертой испытывалась англо-русская чернопегая выжловка «Бейка» Столярова. Она была брошена прямо на след оставленного «Шумилой» зайца и через 2 минуты отдала голос и погнала. Беляк перешел через просеку в плотную сечу, сделав в которой круг, не вернулся, а пошел напрямиком, уводя выжловку со слуха. Некоторое время судьи ждали, что заяц вернется на старое место, но, не слыша гона, стали подравниваться по направлению, куда увела выжловка. Вскоре одному из судей, заскакавшему вперед, стал слышен издали гон выжловки, которая с перемолчками вела беляка обратно. Через некоторое время беляк прошел через дорогу снова в густую сечу, а выжловка, не доведя немного до дороги, скололась. Минут через 5—6 она снова справила, но, прогнав немного, вновь скололась и была вызвана. Гнала 1 ч. 07 мин. Голос среднего регистра, но отдает его выжловка часто, почему для слуха ее гон очень приятен. Обнаружила хорошее мастерство, вязкость и среднюю паратость.

Пятым был наброшен англо-русский чернопегий выжлец «Набат» С. Н. Бодулева. Ведет владелец. Выжлец в прошлом году прошел на диплом 1 степени при 90 баллах, почему все весьма им интересовались, полагая, что вот он-то и покажет всем, как надо парато и без скола держать зверя. Увы, надежде этой не суждено было оправдаться. Наброшенный 2 ч. 30 мин. в сечу, выжлец сравнительно вяло пошел в полаз. Через 12 минут стал отдавать голос, а еще через 1—2 минуты погнался. Стоявший на просеке судья был крайне удивлен, когда выжлец прогнал мимо него, как ему казалось, по пустому месту. Очевидно, заяц прошел много раньше. В это время двое других судей и публика, оставшаяся у места напуска, отслушали гон и уже двинулись в направлении к дому, следуя уверениям владельца, что его выжлец погнался будто бы вправо от наброса. На самом же деле выжлец прошел влево через просеку, но пока перевидевший его судья подъехал к группе охотников и выяснил их ошибку, выжлеца уже не стало слышно. Боясь отслушать собаку, судья поскакал вдоль просеки и стал заезжать в направлении к месту предполагаемого гона. Однако в это время выжлец уже оказался сзади судьи и, выйдя на просек к охотникам, долго не хотел покинуть их, несмотря на порсканье владельца, старавшегося увлечь его за собой в лес. Только взяв выжлеца на смычок, владелец смог увлечь его за собой. Тут снова повторилась необъяснимая история. Выжлец, перевалив опять в сечу, снова стал отдавать голос и затем погнался, перешел на глазах судьи (опять не видевшего зайца) через дорогу, сделал маленький кружок и на глазах другого судьи, без зайца, с голосом ввалился снова в сечу, где два раза обошел с голосом вокруг верхового распорядителя, который тоже зайца не видел. Затем вышел на просеку со столбами электропередачи и стал заниматься отправление своих естественных потребностей, после чего шагом отправился по направлению к владельцу и вскоре явился с ним, находясь у него на сворке. Так как с момента скола прошло 17 мин., то чтобы доработать свои 3 мин. скола, выжлец снова был брошен, еще несколько раз отдал голос, но больше не погнался и за поздним временем был

взят на смычок. Так как расценить его по этой загадочной работе не представлялся возможным, судьи решили дать ему работу еще раз на следующий день.

7 ноября. Проба не производилась.

8 ноября. Погода пасмурная, моросит дождь. Первым в 7 ч. 47 мин. утра брошен русский выжлец «Трубач» Н. П. Пухова. Ведет владелец. Выжлец энергично пошел в полаз, и через 19 мин. был назван на выскочившего из-под ног охотников зайца. К этому времени пошел проливной дождь, и выжлецу пришлось работать в очень трудных условиях, когда след буквально заливало дождем. Кроме того, и следить за работой выжлеца было очень трудно, так как барабанивший дождь мешал слушать. Мало подцветший, еще с желтой спиной, беляк прошел на глазах судьи через просеку, на глазах охотников и собак, которые неистово заорали на сворках, а заяц сразу наддал ходу. Выжлец прошел значительно левее следа, и тут вероятно был бы скол, если бы заяц повернул вправо; но взяв налево, он снова дал выжлецу перехватить свой след, и гон пошел дальше, но за дождем его скоро стало не слышно. В это время другой, сильно подцветший беляк перешел на глазах судьи просеку по направлению к гону. Прошло минут 20—30. Так как за дождем нельзя было судить — гонит выжлец или нет, все стали подаваться по просеку вглубь. Тут же один из охотников перевидел в левой стороне беляка с желтой спиной. Владелец в это время уверил, что он слышит вдалеке гон своей собаки. Однако судьи, как ни напрягали слух, ничего не слышали. К счастью (как бы для того, чтобы опровергнуть заверения владельца), справа появился «Трубач»; он скоро принял след переведенного зайца и погнал его, но продержав небольшой кружок, не справился и бросил. Принимая во внимание чрезвычайно тяжелые условия для гона, надо считать, что выжлец показал себя дельной собакой, с которой при хорошей тренировке можно вполне удачно охотиться. Голос звонкий, красивый.

Вторым номером была пущена стайка русских чепрачных гончих: «Запевай», «Волга», «Затейка», «Зажига» и «Тревога» Ленинградского военно-охотничьего о-ва. Ведет доезжачий т. Угрюмов. Стайка брошена в 9 ч. 29 мин. в крепкое место за подъездной железной дорогой. В 9 ч. 36 мин собаки, широко шедшие в полазе, наткнулись на зайца, довольно скоро свалились и захватили матерого беляка, дружным гонм дали хороший круг и, переведя через полотно железной дороги, скололись. С этого момента дружного гона не было, все время слышны были голоса двух собак, выправлявших след ежеминутно западавшего зайца, верно и вязко его преследующих. Поскольку работы всей стайки слышно не было и уже прошло 15 минут после скола, судьи послали доезжачего, чтобы вызвать и собрать собак. Голоса двух собак, верно державших зайца, постепенно все отдалялись, и когда доезжачий стал ежеминутно трубить в рог, оставшиеся на полотне железной дороги охотники и судьи скоро вовсе отслушали собак. Судья же, который пошел за собаками, вдруг услышал снова дружный гон стаи, которая очевидно свалилась, выправив след зайца и прирастя к нему. Гон стал удаляться и сходить со слуха, заглушаемый звуком рога доезжачего, не перестававшего трубить. Когда судья выбрался, идя за гонм, на полотно Окружной железной дороги, то стрелочник и работавшие женщины рассказали, что видели зайца и прошедших за ним собак. Часть собак удалось вскоре вызвать, а три собаки продолжали гон и были вызваны значительно позднее. Голоса у стаи звонкие, но не фигурные: небольшой заливец есть только у одной выжловки.

Третьим в этот день работал смычок англо-франко-русских гончих: «Сорока» и «Тревожка» Турчака. Ведет владелец. Собаки были брошены в 11 ч. 30 мин. и после того как в течение часа не могли поднять зайца, в 12 ч. 30 мин., были временно сняты. Следует отметить, что и тут одна из выжловок все время болталась около ног ведущего.

Четвертым в 1 ч. 55 мин. был пущен в третий раз смычок англо-русских гончих Всекохотсоюза. Полаз все тот же; долго идут, не поднимая. Судьи, находясь под гончими, часто видят, как собаки (одна следом за другой) проходят не вдалеке от доезжачего. Однако когда по приказанию судей доезжачий поворачивает обратно, желая пройти крепеньким местечком, которое осталось непройденным в стороне, собаки вдруг исчезают и точ-

но проваливаются сквозь землю. Несмотря на непрерывное порсканье доезжачего, собак больше не видно. Дойдя до конца квартала, судьи решают послать доезжачего на розыски собак. В это время издали стал доноситься гон. Подоспевшему на гон судье удалось два раза перевидеть гонного беляка, переходившего через просек, и следом за ним, правда, на значительном расстоянии, шедших дружно собак. Гон шел почти без перемолчек, полными, довольно красивыми голосами; заяц сделал два круга и на глазах одного из судей скинулся за елкой обратно в сечу, а пронесшиеся собаки были взяты с гона на смычок, так как судьи решили бросить на этого зайца очередную собаку.

Пятым и последним в этот день испытывался англо-русский чернопегий выжлец «Набат» С. Н. Бодулева, так неудачно дебютировавший 6 ноября вечером. Насаженный прямо на горячий след беляка, обманувшего собак Всекохотсоюза, «Набат» через несколько минут погнал его, но вскоре на глазах всех два раза прошел через просеку по пустому месту, время от времени отдавая голос. Судьи не верили своим глазам. Очевидно, выжлец уже состарился и начал сходить с поля, а может быть и бесчисленные вязки (после того, как он стал знаменит) окончательно состарили его. На этот раз это была вялая, без всякого огня собака, голосившая попусту, гоняющая самое себя. Делается обидно, что владелец, не учтя всего этого, очевидно из желания получить приз, привез выжлеца и только скомпрометировал его. Выжлец остался без расценки.

9 ноября. Две из записанных на пробу собак, к сожалению, отсутствуют: нет победительницы ленинградской пробы — русской чепрачной выжловки «Вьюги» А. А. Шеина, владелец которой принужден был уехать, не дождавшись своей очереди; не прибыла также к назначенному ей числу русская чепрачная выжловка «Заливка» Блохина.

Первым набрасывается в 7 ч. 55 мин. смычок англо-франко-русских гончих: «Сорока» и «Тревожка» Турчака. На этот раз собак ведет Н. И. Тулубьев. Собаки уходят в полз, причем снова, как накануне, одна выжловка идет почти все время около ног. В 8 ч. 55 мин., по прошествии часа, гончие снимаются с пробы, так как поднять зайца им не удалось.

Вторым идет смычок русских чепрачных гончих: «Запечай» и «Волга» Ленинградского военно-охотничьего о-ва. Гончие брошены в 9 ч. утра в хорошее крепкое местечко. В 9 ч. 28 мин. поднимают зайца, который после круга перешел через линию железной дороги и стал западать. Прогнав 20 мин., собаки скололись, и справиться не могли. Надо заметить, что собаки на этот день были какие-то вялые, лишенные той энергии и настойчивости, которую они проявили ранее. Или за эти дни они сильно устали или же сильно изнервничались. Поскольку эта работа по зайцу была необходима, чтобы расценить смычок, судьи отдали распоряжение взять собак на сворку.

Так как от испытания, записанной в класс одиночек, «Волги» Ленинградского военно-охотничьего о-ва доезжачий отказался, то снова, в третий раз, пускается смычок англо-франко-русских гончих: «Сорока» и «Тревожка» Турчака. Наброшенные в 10 ч. 20 мин. в крепкое местечко, с хорошим подседам и травой, они снова в продолжение часа ничего не могут поднять, несмотря на несмолкаемое порсканье, прекрасно ведущего их Н. И. Тулубьева. В 11 ч. 30 мин. дается сигнал к снятию собак, которых вызвать не удастся.

На этом оканчивается I всероссийская проба гончих.

Участие в этой пробе 19 единиц ясно доказывает полную целесообразность такой пробы, а значительные денежные призы, несомненно, будут способствовать возникновению ряда проб, устраиваемых местными организациями, которые до этого времени почему-либо еще не раскачались.

Залог успеха всероссийских проб в том, что сейчас всеми осознается необходимость выявления хороших работников и проверки в поле досуга выставочных медальеров, чтобы создать из полевых победителей прочный фундамент дальнейшего разведения типичных и дельных, рабочих гончих.

Двум доезжачим, т. Угрюмову и т. Василенко-Красову, судьи находят возможным присудить за толковую приездку гончих денежную награду в размере 37 руб. 50 коп. каждому.



**Эксперты и участники полевых испытаний. 30-е гг.
Сзади сидит на лошади Н. П. Пахомов**

Расценочная таблица

[illegible]

Головина и Ламанова.	12	3	12	6	12	8/2	--	--	6	3	3	67	Всек-за за второй оди- ноч. – 75 р. и диплом Белкохосоюза.
3. «Трубач» русский выжлец Пухова.	9	3	10	6	8	8/0	--	--	5	4	5	58	--
4. «Шумило» русский выжлец Головина и Ламанова.	9	3	10	6	11	7/0	--	--	6	2	3	57	--
5. «Будило» русский выжлец Г. Т. Барышникова.	11	4	8	5	6	6/0	--	--	7	4	3	54	--
6. «Набат» англо-русский вы- жлец С. Н. Бодулева	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	Без расценки

Судьи: М. Алексеев
Н. Пахомов
Н. Челищев

